

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

ПРИНЦИП
ПЛАТОЗНИ

Юлия Николаева

Принцип иллюзии

«Автор»

2023

Николаева Ю.

Принцип иллюзии / Ю. Николаева — «Автор», 2023

Помните, что завещал нам Булгаков: никогда не разговаривайте с незнакомцами. А то можете получить конверт с фотографией и местом встречи, а потом окажется, что парня с фото хотят убить. Вы попытаетесь его предупредить и попадете в такой переплет... Из которого выбраться одному невозможно. И будет у вас двое за плечами: один ангел, другой дьявол. Один помогает, другой хочет уничтожить. Только вот понять бы еще – кто из них кто, пока голова цела...

© Николаева Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юлия Николаева

Принцип иллюзии

Глава 1

– Восторг! Пушка бомба! Огонь! – вопили зрители, то и дело начиная хлопать, а я старательно улыбалась, проклиная блестящее платье, от которого чесалось все тело, и жару, из-за которой я потела и краснела.

Для меня эти сорок пять минут определенно стали самыми длинными в жизни, а зрители после выступления говорили, что время пролетело незаметно. Великая сила искусства, что тут скажешь.

Утащив в подсобку инвентарь и переодевшись в шорты и футболку, я почувствовала себя намного лучше. Планировала тихонько забрать деньги за выступление и удалиться, но как только оказалась среди гостей, на меня чуть ли ни набросились. Нет, приятно, конечно, даже очень, но я как-то успела отвыкнуть от такого внимания.

К тому же многим мужчинам, кажется, больше понравилась я, чем шоу иллюзиониста. Невесту это не очень порадовало, что неудивительно: это ведь ее праздник, а я только приглашенный артист. И вообще, она договаривалась с парнем, а явилась я. Непорядок, в общем. Но я ни при чем, так сразу и сказала: кто ж виноват, что парень не смог и подослал меня.

– У вас талант! – последний из подошедших парней не поскупился на комплимент. Я поблагодарила, продолжая высматривать администратора.

– Я немного увлекаюсь фокусами, но до вас, конечно, далеко.

Я вежливо улыбнулась, бросив на парня взгляд. Лет двадцати восьми, блондин, красавчик. Особенно улыбка впечатляет и взгляд с поволокой.

– Я, скорее, похож на героя из фильма «Сенсация», смотрели?

Ну и настырный парень, а.

– Смотрела, – кивнула ему. – Герой там, кстати, зачётный. Тоже вместо диеты невроз предпочитаете?

Он засмеялся, тут наконец администратор принес деньги.

– А вы давно занимаетесь этим? – настырный парень последовал со мной из банкетного зала в подсобку, где я оставила сумку.

– Имеете в виду, давно ли я стала волшебницей? – отозвалась я.

– Волшебницей? Скорее уж, ведьмой.

– Ничего себе, вы галантный, – присвистнула я, вешая на плечо спортивную сумку. – Я похожа на ведьму?

– А как иначе объяснить, что я очарован вами?

Ну надо же, этот негодник заставил меня смутиться, ну правда. И сам понял, что растопил лёд, потому что тут же протянул руку.

– Ян.

Ммм, редкое имя. Комментировать не будем.

– Вера.

– Дадите ваш номер, Вера? – и пока я не отказала, добавил: – Рабочий. Хочу ещё раз посмотреть ваше выступление.

Я снова улыбнулась. Ну удивительная милота же. Он даже не флиртует.

– Увы, я не даю шоу. Здесь должен был выступать мой друг, но он не смог, а я согласилась его подменить. Это не моя работа.

– Хотите сказать, вы не занимаетесь этим?

– Нет. Просто выучилась у друга нескольким фокусам из интереса, а он теперь меня эксплуатирует время от времени.

Ян поглазел пару секунд, а потом снова улыбнулся.

– Что ж, не скрою, что не сожалею. У вас явный талант. Приятно было познакомиться, Вера.

Он снова пожал мою руку, я даже прибалдела: серьезно, что ли? То есть это был не подкат?

Но кажется, парня и впрямь интересовали только мои способности иллюзиониста. Потому что он вернулся в зал, а я потопала домой.

Поддавшись неконтролируемому порыву души, хотела заглянуть к Пашке и отдать его долю, но потом посчитала, что нечего облегчать парню жизнь, он и так не стремится к тому, чтобы себя сильно нагружать. Впоследствии думая об этом, я не раз пожалела, что пошла тогда домой. Прояви человеколюбие, не вляпалась бы, так сказать, по полной.

Остаток дня я провела идеально: валялась под вентилятором, читая «Шерлока Холмса». Перед сном залипла в сети, потратив часа полтора на просмотр дурацких коротких роликов.

А утром меня разбудил телефонный звонок. Безусловно, это был Пашка, тот самый, что вчера клятвенно заверял меня о чуть ли не смертельном недуге. Сегодня его голос волшебным образом звучал намного бодрее, впрочем, умереть он все ещё мог: от моей руки непосредственно. Потому что звонить в девять утра людям – верный способ нажать себе врага.

– Что-то твой голос не так слаб, как вчера, – язвительно заметила я.

– Я лечился, как мог, – ответил Пашка, ничуть не смутившись. – Как прошло?

– Хорошо.

– Я в тебя не сомневался. Половина твоя, как и договаривались. Пересечёмся?

– Сам приезжай, – фыркнула я.

– У меня дел невпроворот.

– Ты же при смерти, какие могут быть дела?

– Я же говорю, произошло чудо.

– Ты плохой человек, Паша.

– Брось, я почти твой лучший друг. Давай в парке через сорок минут? На скамейке над площадкой.

– Ладно, – проворчала я, вставая с кровати, и смертельно больной радостно со мной распрощался.

Я отправилась в душ, строя догадки, что именно сразило вчера моего друга: природная лень, зелёный змий, или очередная красotka на ночь.

С Пашкой мы свели знакомство в Сербии несколько месяцев назад. Он приехал в Белград потусить, а я тогда жила там и зарабатывала тем, что показывала фокусы на пешеходной улице.

Ну да, Яну я приврала, ничему меня мой друг не учил, все я прекрасно умела и без него. Именно на почве общих интересов мы с Пашкой и сдружились. И вообще, зовут меня не Вера. Короче, я вроде как врушка, хотя и не совсем.

Зовут меня Верена, и за такое имя стоит поблагодарить мою матушку. Когда-то ей пришлось в голову, что мой отец носит именитую немецкую фамилию – Франк. Фамилию он действительно носил, а вот именитости там кот наплакал.

Но как известно: ищите и обряцете, – вот мамуля и принялась. Подозреваю в ней корыстный интерес получить какой-нибудь титул, ибо замахнулась она на немецкий аристократический род, твердо вознамерившись папулю к нему причислить.

На его робкие намеки, что фамилия эта весьма распространенная и в славянском роду, мама не обратила никакого внимания. Она занялась раскопками нашего генеалогического древа, но очень скоро зашла в тупик. Дело в том, что дальше прадеда докопать (прости, Господи) не удалось.

Отец заметно успокоился, решив, что изыскания мамули окончены, но не тут-то было. Она решила зайти с другой стороны: а именно от предполагаемых родственников – баронов Франков. Стала искать все, что можно, о носителях данной фамилии.

Ничего конкретного, конечно, в начале девяностых нарыть не удалось, зато мамуля начала вдоволь легенд и сказок и уверилась, что мы (в плане Франки) наследники известного баронского рода. Ее даже не смущал провал в истории, когда немецкий барон Франк вдруг сошел с ума и решил перебраться в Россию.

– Все это мелочи, – любила она повторять в случаях, когда не могла сказать ничего толкового. И сразу переключалась на наши вновь обретенные семейные мифы и легенды, которым позавидовали бы и древние греки.

В основу мамуля положила свою богатую фантазию и небольшую особенность нашей семьи: любовь к фокусам. Не столько даже любовь, скажу вам честно, сколько ответственность. Когда-то (кто знает, когда точно, но очевидно, веке в девятнадцатом-двадцатом) кто-то из Франков научился делать фокусы. Он записал их в книжку и передал потомку, тот тоже научился и тоже передал. Ну вы поняли. Вечно в семьях приживаются совершенно бесполезные традиции.

Но мамуля раскопала легенду о паре иллюзионистов, получивших известность во второй половине девятнадцатого века. Девушку звали Верена, имя парня малость затерялось во времени. Эта парочка якобы была известна на всю Европу. Фамилия Франк в истории не фигурировала, но мама, что называется, уверовала в новую истину и возжелала свою единственную ночь назвать Вереной.

Отец не стал спорить, на тот момент они уже жили во Франции: после развала советского союза папуля умудрился свалить за границу и хорошо устроиться. Маму тянуло в Германию, но судьба указала на Париж. Впрочем, несостоявшаяся баронесса Франк горевала недолго.

Я родилась уже там, и была названа Вереной в честь мифической фокусницы, которой никогда не существовало. Мамуля, ставшая в итоге большой любительницей Франции, тем не менее ревностно следила за тем, чтобы я знала русский язык и помнила о своих корнях. Я так прониклась, что, окончив парижскую школу, поехала получать высшее образование в Россию.

Мысль, что без оконченного вуза я никуда не устроюсь, меня не тревожила. В наше время академическое образование вообще не играет никакой роли. Мне было интересно пожить в стране, которая была родиной моих родителей и о которой я слышала не меньше, чем о совсем благородном происхождении.

Окончив факультет иностранных языков Санкт-петербургского государственного университета, я отправилась погостить к родителям. Францию незаметно сменила Вена, потом Испания, Португалия, Италия, Черногория и Сербия. Я моталась по миру три года, зарабатывая фокусами и другими мелкими талантами, пока не встретила в Белграде Пашку. Мы сошлись на фоне профессии, быстро подружились, и меня вновь потянуло на историческую родину.

Так я оказалась в провинциальном городе, где собственно проживал сам Пашка, и поняла, что хочу какое-то время отдохнуть от кочевого образа жизни. Зависать здесь я не собиралась, но в итоге прошло уже четыре месяца, а я все ещё тут.

Поначалу Пашка рассчитывал привлечь меня к своему бизнесу, но я сразу отказалась. Уличное искусство – это все же искусство, а выступать по несколько раз в неделю на свадьбах было выше моих сил.

Папуля от большой любви к непутёвой дочери слал мне денег на жизнь, а ещё я подрабатывала, рисуя на набережной. Настоящим художником мне было становиться лень, потому я рисовала скетчи, шаржи и быстрые портреты карандашами. Человек я непряхотливый, на жизнь хватает, и работа ненапряжная.

Жила на съемной двушке, одна комната была заперта на ключ, так что, можно сказать, я была полноправной владелицей всей территории. Пашка называл мою комнату рухлядью, я гордо именovala ее антиквариатом. По ночам антиквариат скрипел, кряхтел, шелестел, грозясь развалиться, но и к этому я вскоре привыкла. Тем более что кухня была современная.

К чему я не привыкла: к тому, что меня будут будить в девять утра.

Глава 2

Большой городской парк я любила. Черт знает, почему, но он не поддавался современным тенденциям облагораживания и больше был похож на кусок леса, в котором сделали несколько асфальтированных дорог, детскую площадку на открытой местности внизу, и концертную на холме.

В остальном во все стороны расходились тропинки, которые с осени по весну превращались в грязевое или снежное болото. Почему власти города ещё не добрались до парка – загадка для всех. Может, причина в том, что к парку примыкает большой район частных домов, облюбованный местными богачами, и им нравится выходить по утрам в лес с чашкой кофе в руках. Нам, простым смертным, этой тайны не открывают, но городской парк остаётся излюбленным местом встречи всех жителей.

Скамейка над площадкой, о которой говорил Паша, располагалась на холме, далеко в стороне от асфальтированной дороги, между берёз и вековых сосен она пряталась за разросшимся кустарником, а созерцать на ней можно было только стволы близлежащих деревьев.

Кто ее сюда пихнул – черт знает, но добирались до нее разве что дети и влюбленные, скрывающиеся от посторонних глаз. В половине одиннадцатого утра в воскресенье ни те, ни другие в ощутимой близости не обнаруживались.

Я уселась на скамейку, вытянув ноги и прикрыв глаза. День снова был жаркий, но тень и щебет птиц примеряли с действительностью. Когда кто-то опустил на скамейку, у меня даже сомнений не возникло. Не открывая глаз, я сказала:

– Кодовое слово?

Кодовое слово у нас с Пашкой всегда одно и то же: «большой капучино с пончиком за мой счёт». Ну а что, должна я что-то получить за помощь этому прихвостню? Ему ведь постоянно нужна неотложная помощь, и почему-то всегда от меня.

– Иногда дар – это проклятие.

Я захлопала глазами, анализируя услышанное. Во-первых, текст, во-вторых, голос. Вообще ничего не совпадает.

Подскочив на месте, уставилась на мужика, сидевшего на другом краю скамейки. Он был во всем черном: брюки, футболка, кепка и солнечные очки. Наверное, лет сорока, сложно сказать, он ещё и голову склонил, словно не хотел, чтобы я его разглядывала.

Я уже собралась извиниться, как он положил между нами черный конверт и сказал:

– В следующую пятницу в «Медальоне».

И тут же ушел, прямо-таки растворился среди деревьев. Я похлопала глазами в непонимании. Это что вообще сейчас было? Пашкины шуточки?

Ещё посмотрев туда, где скрылся мужчина, я аккуратно взяла в руки конверт. Он был не запечатан, внутри оказалась фотография. Молодой парень примерно моего возраста. Светлые волосы собраны в хвост, немного вытянутое лицо, большие глаза, пухлые четко очерченные губы. Не красавец, не урод, но лицо однозначно запоминающееся. Не в моем вкусе.

– И что мне с этим делать? – нахмурилась я и резко подскочила, потому что в этот момент зазвонил мой телефон.

– Где тебя носит, краса моя? – поинтересовался Пашка. – Ещё чуть-чуть, и родители начнут на меня коситься с подозрением.

– В смысле? – изумилась я. – Как и договаривались: на скамейке над площадкой.

– Я сказал: на площадке.

– Да? – почесала я ухо. – А почему я тогда на холме сижу?

– Потому что красавицы быстро забывают поступающую в их мозг информацию или вообще плохо слушают то, что им говорят?

– Смешно. Сиди, я сейчас спущусь.

Я встала и замерла. Что же выходит, меня здесь быть не должно? Я внизу должна сидеть. А тот мужик меня с кем-то спутал, и конверт с этим парнем, и информация точно не для меня.

Бестолково пометавшись среди деревьев, я сунула конверт в сумку и поплелась вниз, коря себя на чем свет стоит.

Пашка моей печали не оценил.

– Да как-то уж состыкуются, когда поймут, что в цепочке появилось лишнее звено, – заметил беспечно.

– Люди запарились, встречу назначили, слово кодовое придумали... Думаешь, это просто так?

– Может, квест какой? Сейчас это модно, вот и носятся, как дурачки, по городу, выполняя задания ради мифической награды.

Эта мысль была похожа на правду, и я немного взбодрилась. Нарушить чей-то квест – беда небольшая.

– Что там за фотка, дай посмотреть.

Я протянула черный конверт, Пашка его осмотрел и снова сказал:

– Ну точно квест, вот нефиг делать людям.

Фотография парня Пашку не вдохновила. Его в принципе мужские лица не сильно вдохновляли, скорее, женские задницы.

– Не знаю такого, – сунул он фотку обратно. – По виду истинный фриц.

К немцам Пашка питал двойственные чувства. С одной стороны, будучи евреем, он их недолюбливал, с другой, осознавал, что современные немцы перед ним, Пашкой, лично ни в чем не виноваты.

Однако нутро брало верх, и Пашка о немецкой нации отзывался с лёгким презрением, что никак не мешало ему смотреть их фильмы для взрослых.

На фоне национальных противоречий я считала за благо помалкивать о фантазиях моей мамы, дабы сохранить нашу дружбу с Пашкой в целости и сохранности.

Ещё раз посмотрела на парня и спросила:

– И что в нем от фрица? Парень как парень.

– Лицо лошадиное, челюсть вон какая, и взгляд такой... Точно что-то задумал.

– Да нормальный взгляд.

– Ну-ка давай его прогоним в поиске на фото.

Поиск Пашкиных предположений не подтвердил. Парень с фотографии был ему неизвестен от слова совсем.

– Наверно, запрос заблокировала немецкая разведка, – не удержалась я, за что получила укоризненный взгляд. – Кстати, смертельно больной и жутко занятый, совесть нигде не жмёт?

Вскоре я получила большой капучино и пончик в ближайшей кофейне. Находилась она в новостройке, которую с чьей-то лёгкой руки впили на краю парка чуть в стороне от частного сектора.

Разделавшись с пончиком, я откинулась на стуле, попивая с удовольствием кофе.

– Ну что, я реабилитирован в твоих глазах? – спросил Пашка, я погрозила ему кулаком, правда, беззлобно, и тут случилось удивительное: звякнув колокольчиком, открылась дверь и в кофейне появился тот самый парень, что вчера был на свадьбе. Ян.

Выглядел он умопомрачительно. Правда. По всей видимости, зашел после пробежки, футболка была перекинута через плечо, обнажая идеальный торс с широкими плечами, узким тазом и кубиками на животе. Бариста, девчонка лет восемнадцати, вылупилась на Яна совершенно неприлично. А он широко улыбнулся, увидев меня.

– Неожиданная встреча, – протянул с удивлением, останавливаясь с другой стороны высокого барного стола, за которым мы с другом сидели.

– Это точно, – кивнула я с улыбкой.

– А вы, – он поводит пальцем от меня к Пашке, и тот чуть ли не отчаянно заголосил:

– Нет-нет, мы не пара, что вы. Я бы никогда!

Я перевела на друга недоуменный взгляд, и он зачастил дальше:

– Не в том плане, что... Вера, конечно, красавица, и все такое... Просто я...

– Мы хорошие друзья, – перебила я несвязный поток мыслей, поворачиваясь обратно к Яну, он снова кивнул, продолжая обаятельно улыбаться.

– Я бы предложил кофе, – заметил мне, – но боюсь еще один в тебя уже не влезет. Может, пончик?

– Я на диете.

– Правда? – уставился на меня Пашка, я пнула его ногой под столом. – Я к тому, что, на мой взгляд, диета ей ни к чему.

– Согласен. Рабочего телефона так и не появилось?

– У меня? – вскинула я брови. – Нет. А вот Пашка, кстати, как раз иллюзионист, можете у него взять номер.

– В другой раз. Ну что ж... Было приятно увидеться. Снова.

– Да, мне тоже. Еще немного, и я начну верить в судьбу.

Ян с улыбкой отошел к стойке, я поймала скептический взгляд друга.

– Что? – спросила его.

– Ничего. Разве я что-то сказал?

– Да.

– Что?

– Не знаю пока. Так что ты пытаешься мне сказать этим взглядом?

Пашка проводил уходящего Яна глазами и вздохнул.

– Что это значит? – не поняла я.

– Это значит, что я наконец понял, почему тебя замуж никто не зовет.

– Чего?

– Ладно, Верик, мне правда пора бежать. Увидимся.

Чмокнув меня в щеку, он смылся, оставив с ворохом вопросов. Я решила не заморачиваться, допила кофе и не спеша потопала домой, а после обеда на набережную рисовать. Однако в этот день меня не покидали мысли о фотографии.

Все-таки неудобно как-то вышло. Она ведь кому-то нужна. А если я нарушаю ход какой-то длинной сложной истории? Даже если это просто дурацкий квест. Мне было бы обидно, оборвись он вот так из-за глупой ошибки.

Короче, я не нашла ничего умнее, чем пригласить Пашку в пятницу в «Медальон».

– А нас туда пустят? – засомневался он. – И почему именно туда? Есть много других баров, где можно классно потусить. А «Медальон» – просто пафосное место с бешеными ценами. Постой, – голос в трубке стал подозрительным. – Ты из-за того парня на фотке, да?

– Нет.

– Да!

– Ладно, да. Я просто подумала, вдруг я встречу человека, которому на самом деле фотка предназначалась? Отдам конверт, и все.

– Как же ты его встретишь, если он не знает о месте и времени встречи?

– Не знаю. Может, там будет этот мужик, который конверт мне дал? Я тогда его верну и объясню, что произошло.

– Делать тебе нечего, – проворчал Пашка, но согласился. К слову, делать мне действительно было нечего, так что почему не сходить в бар в пятницу?

Несмотря на высокий ценник, место явно пользовалось спросом. Все столики были заняты, и мы с Пашкой заняли позицию в углу за барной стойкой. Он заказал себе что-то с

колой, а я сок. Минут двадцать мы переговаривались о разном, лениво разглядывая посетитель, а потом Пашка толкнул меня локтем в бок, так что я чуть не свалилась со стула.

– Вон он! – зыркнул друг, я посмотрела в том направлении.

В бар зашел парень с фотографии. Распущенные волосы по плечи, взгляд скучающий и немного презрительный, джинсы и футболка. Худой, длинный, не красавец, но взгляд притягивает, уверен в себе. Лениво оглядевшись, он прошел к барной стойке и уселся с противоположного от нас края.

– И что дальше? – шепотом спросила я Пашку.

– Откуда я знаю? Это была твоя идея сюда пойти.

Я потеряла нос, размышляя.

– Может, мне с ним познакомиться?

Пашка фыркнул так сильно, что забрызгал стойку коктейлем.

– Что я смешного сказала?

– Ничего, – он вытер салфеткой следы своего преступления. – Просто... Ну давай объективно. Где ты, а где знакомства с парнями.

– Что это значит?

– Это значит, что у тебя парня не было как минимум полгода.

– С чего ты взял?

– С того, что видел, как ты общалась с этим блондином, покрытым мышцами с головы до ног.

– С Яном?

– Угу, – Пашка принялся цедить коктейль через трубочку.

– А как я с ним общалась? Мне казалось, нормально.

– Он же тебя клеил. Выпрашивал номер телефона, улыбки расточал, пончик хотел купить.

– Нет, – протянула я. – Или да?

– Вот в этом все дело. Ты классная девчонка, Вер. Правда, классная, но флиртовать с мужиками – это не твое. Про секс я вообще молчу. Ты знала, что длительное воздержание вредно для организма?

– Отвали, а, – повысила я голос, сама того не заметив. – Меня секс не интересует!

Бармен и парень с фото как по команде на меня уставились. Покраснев и улыбнувшись, я зачем-то сказала им:

– Секс с ним не интересует, я имела в виду. Клеится какой-то придурок.

Пашка только страдальчески глаза закатил.

– Гениально, – шепнул, когда парни отвернулись.

– Слушай, ну не все зациклены на сексе, как ты, – прошипела я в ответ. – И вообще, у меня нет с этим проблем, понятно? Просто обычно это происходит само по себе.

– Раз в полгода, – поддакнул друг, я ущипнула его за локоть.

– Значит, ты считаешь, я не могу закадрить парня?

– Я этого не говорил.

– Могу. Еще как. Даже этого фрица могу, хотя он вообще не в моем вкусе.

– Боюсь, ты не успеешь.

– Почему?

Пашка снова указал взглядом за мою спину, я увидела в сторонке двух девиц, перешептываясь, они смотрели на нашего фрица.

– Думаешь, они его хотят закадрить?

– Конечно. Они явные охотницы, а фриц при деньгах. В общем, в пролете ты, Вера.

– Ну уж нет!

Соскочив с высокого стула и прихватив сок, я, опережая охотниц, переместилась к фрицу.

Глава 3

Тот сделал глоток, даже не повернув на меня голову.

– Привет, – улыбнулась я. Бросив недоуменный взгляд, парень все же ответил:

– Привет.

– Я Вера.

– Супер.

Так. Что-то не ладится. Вообще, доля истины в Пашкиных словах была. Я действительно не очень-то умею знакомиться вот так. Обычно это происходит иначе: на улице после выступления, или в дороге, когда я стоплю, или на общих встречах с друзьями. Короче, в какой-то более-менее комфортной для меня обстановке. Ну да, часть знакомств ограничивается приятным сексом, но все это происходит само собой. А тут надо что-то выдумывать ведь.

– А тебя как зовут?

Фриц сделал еще один глоток.

– Слушай, Вера, – повернулся ко мне. – Ты очень милая девочка, но я не ищу подобных знакомств.

– Я вообще никаких знакомств не ищу. Просто... Ты симпатичный, я тоже симпатичная. Почему бы, так сказать... Не сделать эту ночь...

– Симпатичной, – подсказал он, разглядывая меня насмешливо. Я хихикнула для убедительности. – То есть предлагаешь секс без обязательств?

Я предлагаю? Как так вышло-то? Бросила взгляд на Пашку, у него было такое выражение лица, что я набралась решимости.

– Да.

– Окей, пошли.

Он слез со стула, я сползла следом, зыркнув на друга. Тот брови приподнял, глядя, как мы удаляемся. В лифте фриц прижал меня к стенке и начал целовать, надо сказать, целовался он неплохо. Очень приятно. Я даже забыла, что он не в моем вкусе.

– погоди, – оторвалась от него. – Как тебя зовут?

– Марк.

– Ага. Хорошо.

И мы снова стали целоваться. Вот скажу честно: такого со мной еще не случалось.

– Давай договоримся, – чеканил фриц, пока мы шли по коридору к его номеру, гостиница располагалась в этом же здании, и «Медальон» в общем-то относился к ней. – Никаких разговоров по душам и прочего бреда. Просто секс, потом ты уходишь, и мы больше не видимся.

– Очень романтично.

Он шутку не оценил.

– Можешь уйти сейчас, если тебе это не подходит.

Я осталась. Пашка наверняка еще в баре, не могу же я так оплошать. Номер оказался просторным и богато обставленным, но бездушным.

– Миленько, – высказалась я. На столе лежала колода карт. Я хмыкнула, взяв ее в руки.

– Выпьешь? – спросил фриц. Я покачала головой.

– Любишь карты? – повернулась к нему с колодой в руках.

– Немного, – улыбнулся он едва заметно. – Скорее фокусы.

– Фокусы? Покажешь? Один. А потом сразу секс.

Хмыкнув, Марк забрал колоду.

– Ладно. Вот тебе фокус, но после него ты раздеваешься.

– Договорились.

Я с любопытством уставилась на карты. Марк выбрал не самый простой фокус, хотя и не особенно сложный.

– Так, – улыбалась я, кивая на его жесты. – Погоди, погоди, я еще не выбрала.

Постучав пальцами по выставленной вперед колоде, вытащила карту, а потом сунула обратно. Марк быстро перетасовал, покрутил-повертел, потом развернул к себе и нахмурился. Непонимающе пролистал, хмурясь все сильнее. Я улыбалась, сдерживая смех.

– Не это ищешь? – спросила его, доставая нужную карту из декольте.

Казалось бы, что такого, но Марк просто офигел. То есть если бы я растворилась в воздухе, он бы точно меньше удивился. Моргал, открыв рот, и молчал.

– Ты что, забрала карту? – спросил наконец, я пожала плечами. Но его такой ответ не устроил. – Как? Как ты это сделала?

Я растерянно похлопала глазами.

– Спрятала одну карту заранее, а потом подменила ее на ту, что ты должен был угадать.

Марк несколько секунд пялился на меня как на инопланетянина, потом внезапно спросил:

– Как тебя зовут?

– Вера, – напомнила ему. Вообще-то, уж имя-то мог запомнить.

– А фамилия?

– Зачем тебе моя фамилия? – удивилась я. – Слушай, ты что-то загнался, ну стянула я у тебя карту, что в этом такого?

– Ну да... – протянул он. – Я отойду на минутку.

Когда он достиг дверей туалета, в дверь постучали.

– Открой, пожалуйста, – кинул мне Марк.

– Кто там? – поинтересовалась я предусмотрительно, подойдя к двери.

– Обслуживание номеров.

Я открыла. Передо мной стоял столик с шампанским, погруженным в ведро со льдом. За столиком мужчина в униформе отеля и с больничной маской на лице.

– Подарок от отеля дорогому гостю.

– Благодарю.

Я позволила закатить столик, Марк появился, когда сотрудник отеля ушел.

– Вот тебе подарок тут, – указала я на шампанское. Он бросил на него незаинтересованный взгляд.

– Знаешь, Вера, – сказал, – у меня тут появились незавершенные дела...

– Какие еще дела?

– Незавершенные. Ладно, – вздохнул он. – Ты не в моем вкусе. Спасибо, что зашла, но тебе пора, вот, в качестве утешительного подарка, – он сунул мне в руки бутылку шампанского и подтолкнул на выход.

Я так прибалдела, что позволила выставить меня за дверь. Постояла, растерянно хлопая глазами. Было обидно. То есть понятно, что дело вряд ли во мне, потому что изначально фриц этот явно не против был. Но обидно ведь. Выходит, прав Пашка, ни черта я не умею очаровывать.

В общем, отель я покинула, а бутылку с шампанским подарила бомжу, притулившемуся на скамейке в парке. Он меня сердечно поблагодарил и даже жениться предложил, хоть щас. Не скажу, что у меня отлегло, но я пришла к выводу, что не стоит расстраиваться из-за какого-то козла. А то что фриц козел – сомнений не вызывало.

Дома, приняв душ, я завалилась спать, решив, что даже к лучшему, что ничего не было. Нафига мне секс с таким парнем? Секс все-таки должен быть обоюдоприятным.

Пашка опять позвонил с утра. Непонятно, как при ночном образе жизни он умудряется по утрам быть огурцом. Я пила кофе, вяло листая ленту новостей.

– Ну что, совратительница мрачных фрицов, как ночь прошла?

– На высоте, – буркнула я, но никого не обманула.

– Что, ничего не было? Вы до номера не дошли?

– Дошли. Но потом все пошло не так.

Пашка придурковато захихикал, вот вообще непонятно, зачем я терплю этого парня в своей жизни?

– То есть секса не было?

– Не было. Но я только рада. Этот фриц вообще не в моем вкусе. А при более близком знакомстве он оказался и вовсе гадским. Давай закроем эту тему, расскажи мне что-нибудь интересное.

– Что может быть интересного в нашем городишке? – хмыкнул Пашка. – По мне, так самое веселое было вчера в «Медальоне». Хотя вот я прочитал, что вчера вечером нашли труп мужика. Бомж какой-то умер от сердечного приступа.

– Это так интересно, конечно, – согласилась я.

– Просто у него в руках была бутылка дорогущего шампанского. Точнее, она валялась возле тела. Кто-то пошутил, что у бомжа случился сердечный приступ от счастья.

– Паша, ты в курсе, что омерзительен?

– Это не я пошутил, честное слово.

– Зато ты оценил шутку. Значит... – я запнулась, поймав внезапную мысль. – А где нашли мужика?

– В парке Пушкина.

Я нервно сглотнула. Вчера я шла через парк Пушкина и отдала бутылку шампанского бомжу. И что-то слабо верится, что это совпадение.

– Я тебе перезвоню, ладно, мне тут надо... Отойти.

Я повесила трубку, прошла по кухне и полезла в сеть искать новости. Нашлась даже фотка мужика, и бутылка шампанского возле него. Я похолодела, но почти сразу успокоилась: в статье было четко сказано, что это сердечный приступ и дела открывать не будут. Тем более мужик без места жительства, и мог травануться чем угодно до этого. В общем, вопросов нет.

Но не у меня. У меня их хоть отбавляй. Что же выходит? Я получаю по ошибке конверт с фотографией и местом встречи, и в тот же вечер парня с фотографии хотят убить?

А если нет? Если все-таки у мужика просто сердечный приступ, и никак он не связан с бутылкой?

А если связан? Тогда ни о каком квесте уже разговоров нет. Я стала участницей страшной истории. Вот что – нужно узнать подробности.

Первым делом я отправилась в парк, там ничего не намекало на случившееся. Скамейка была пуста и никому не интересна. Я прошла, и мне повезло, в дальнем уголке заседал еще один бомж, на вид молодой мужчина, следы подпития несколько затрудняли определение точного возраста.

Погибшего Витьку он знал, хотя и не общались.

– Крепкий мужик был, – заявил, пыхтя в меня дымом от дешевой вонючей папиросы. – Вот так живешь и не знаешь, откуда прилетит.

Я хотела возразить, что тут как раз более-менее понятно, но не стала.

– Он с кем-то близко общался?

– А то. Жил с Любкой, она недавно уехала к себе.

– К себе?

– За Канавкой она живет, там, где железка и гаражи. Только не болтай, что я сказал.

Оставив мужчину, я набрала Пашку, чтобы уточнить, где находится искомое.

– А тебе зачем? – конечно, спросил он первым делом.

– А тебе зачем знать, зачем мне? Что, трудно помочь?

– Не трудно. Канавка – это маленькая речка на северо-западе города. Остановка электрички так и называется: Канавка. Вдоль железки за домами идет дорога мимо Канавки, и там же гаражи.

– Откуда такие подробности знаешь?

– Там типография рядом, друган работал. Тебе туда зачем? Место довольно глухое, говорят, бомжи обитают.

– На Канавку хочу посмотреть.

– Что-то ты темнишь, Вера...

– Все, адьес.

Не то что я не доверяла Пашке, просто хотела сначала проверить, действительно ли мои страхи имеют место быть или я все придумала. Как мне в этом могла помочь сожительница умершего Витьки, я понятия не имела.

Глава 4

Дорога вдоль Канавки оказалась сносной, упиралась в небольшое одноэтажное здание с потертой надписью: «Типография». Кажется, я пошла не туда, потому что, изогнувшись, дорожка влилась в тупиковую широкую улицу с автомобильным движением, которая в свою очередь уходила в перекресток со светофором.

Развернувшись, я потопала обратно, держа курс на видневшиеся крыши гаражей. Вскоре заметила неприметную тропинку, уходившую между деревьев в бок, а потом выводящую к старому деревянному мостику. Перейдя Канавку, я пошла по хорошо утоптанной дороге. По правую руку оказались гаражи, по левую в отдалении за деревьями текла речка.

Логово Любы я нашла только потому, что очень желала. Оно спряталось за разросшимся кустарником, и выдала его протянутая в стороне веревка, на которой висело непонятное серое полотнище.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – позвала я, аккуратно отодвинув ветки.

И даже присвистнула. Да тут целое жилище, даже старый полуразвалившийся диван есть. Тряпьем завешено типа стен, оттуда и высунулась дама. Я опять не стала заикливаться на возраст. Скажем так, от тридцати до сорока, мне лично такой характеристики вполне достаточно.

– Тебе чего? – буркнула она, потирая покрасневшие глаза и шмыгая носом.

– Я насчет убиенного... В плане насчет Витьки вашего, что скончался.

– Ну... – дама сразу насторожилась.

– Я из газеты. Уточнить хотела. Ходят слухи, что у Витьки проблем с сердцем не было? А тут сердечный приступ...

– И что? – она замолчала, я тоскливо подумала, что так наш разговор ни к чему не приведет, когда дама вылезла из-за полотен ко мне. – Можно подумать, если ты напишешь, кто-то будет расследовать его смерть? Умер и ладно, им только в радость.

– Так есть что расследовать?

– Проблем у Витьки с сердцем действительно не было. Он вообще на удивление крепкий. Столько пить, а даже печень как у трезвенника.

– Он ее проверял, что ли?

– Было дело... По программе соцзащиты. Делали нам в прошлом году дис... Диспансери...

– Диспансеризацию, – подсказала я.

– Во-во. Кого-то даже лечили. А Витька здоровый как бык оказался. Ему даже работу предлагали, если с синькой завяжет, но это ж Витька...

Я понимающе кивнула.

– Но если у него проблем не было, с чего бы ему умирать? – задала вопрос.

– Вот и я о том, – понизила голос Люба. – Не с чего! И откуда у него бутылка эта с шампанским, скажи мне? – она так посмотрела, словно знала, что это я ее подсунула бедному не по годам здоровому Витьке.

– Не знаю. Откуда?

– Вот и именно... Я ментам сказала, проверьте бутылочку-то. Уж больно примета явная. Но им, конечно, не до того. Только посмеялись надо мной, мол, преступление века: бомжа травить дорогим шампанским. А ежели не его отравить хотели? – она понизила голос, а я раскрыла широко глаза.

Вот тебе и на, а говорят, асоциальные элементы в виду нездорового образа жизни сообщают плохо.

– А кого? – спросила шепотом.

– Откуда ж я знаю? Может, Витька эту бутылку подобрал открытую, а там отравка внутри. Вот сердце и того.

– Но тогда в новостях было бы два трупа.

Люба фыркнула, посмотрев на меня, как на дитя неразумное.

– Это за Витьку никто радеть не будет. А кому надо, так могут и труп спрятать. Даже в Канавке, нет-нет, а по весне трупак всплывает.

– Ясно, – я передернулась. Где я, а где трупы в Канавке? – Спасибо за содержательную беседу. Как только выйдет статья, я пришлю вам номер.

И пока Люба не принялась задавать ненужные вопросы, я ретировалась. Первым делом, усевшись на лавке в ожидании электрички, еще раз перечитала все, что нашла о смерти Витьки. Надо сказать, она мало кого волновала и среди населения, и среди самой прессы. Можно было не сомневаться, что никто копать в деле не будет.

Но факт оставался фактом: вчера в номер фрицу принесли шампанское, от которого он мог умереть. И я, кстати, тоже. Выходит, или официант в маске был подставным, или кто-то подсунул ему шампанское, велел отнести в номер.

А за неделю до этого я получила в парке конверт с фото парня, время и место. Именно те, в которые его пытались убить.

– Что-то мне все это не нравится, – задумчиво пробормотала я в воздух.

Усевшись в приехавшую электричку и осмыслив все еще раз, пришла к выводу: необходимо переговорить с фрицем. Как ни крути, он в этой истории фигура значительная. А вот я оказалась втянута совершенно случайным образом. И черт дернул меня отправиться в этот «Медальон»! Сидела бы себе дома, и... Фриц, возможно, был бы мертв. Он, конечно, парень малоприятный, но все же брать на себя ответственность за его смерть не хотелось.

В общем, я отправилась в «Медальон», особенно не надеясь на удачу. Однако мне повезло. Я встретила фрица в холле, он как раз вышел из лифта и направился к дверям. Увидев меня, не обрадовался, не только не попытался это скрыть, я бы даже сказала, явственно продемонстрировал, отчего охрана покосилась на меня неодобрительно.

– Привет, Марк, – я подошла к нему, он кивнул в ответ, продолжая двигаться на выход. Я засеменила следом, стараясь держаться рядом.

– Слушай, тут такое дело... – начала я, когда мы вышли на улицу, фриц, устало вздохнув, повернулся ко мне. Пришлось задрать голову, ибо мои глаза упирались парню в грудь.

– Вера? – поинтересовался для надежности, я кивнула. – У тебя какие-то проблемы? Мы вроде договорились, что ты не будешь лезть ко мне после встречи?

– После секса, – уточнила я. Секса-то не было, так что формально я даже не нарушила условия договоренности.

– Неважно. Ты мне неинтересна, я вроде ясно дал понять? Или у тебя какой-то комплекс? Типа он меня гнобит, а я таю?

– Стокгольмский синдром? – уточнила я.

– Да пофиг. Просто оставь меня в покое, окей? Свали.

Он потопал в машину, я уже открыла рот, чтобы окликнуть, но в итоге просто закрыла рот. Не, ну а чего, он ведет себя, как козел, так и пусть его убивают. Чего это я должна тут жизнью рисковать, сообщая ему об опасности?

Нет уж, не должна. Тем более фриц себя так ведет, что ему точно не выжить. Не эти чудаки с конвертами, так какая-нибудь девка его прихлопнет.

Пока я себя так убеждала, Марк сел в машину и уехал. Машина была на питерских номерах, и я их на всякий случай запомнила. Зачем? Понятия не имею. Забив данные в заметки на телефоне, набрала Пашку, который все это время атаковал меня в мессенджере.

– Ну чего тебе? – поинтересовалась, шествуя к остановке маршрутки.

– Ну хоть жива, – выдохнул друг.

– С чего бы мне умирать? – удивилась я. – В случае опасности я просто прыгну в черный ящик и растворюсь.

– Ха-ха, я вообще-то переживал. Ты зачем на Канавку поперлась?

Я прикинула так и эдак и решила все Пашке рассказать. Только, конечно, лично. Он с минуту пялился на меня с открытым ртом, потом почесал в затылке. Светлых идей от этого не появилось, потому заявил:

– Мне все это не нравится, Верик. Бросай-ка ты это расследование, ни к чему хорошему оно не приведет.

– Я-то могу бросить, только вот бросят ли теперь меня?

– В каком плане?

– В том, что если мы правы, и кто-то планировал смерть фрица, значит, они за ним должны следить. А что, если они не поняли, что передали конверт кому-то не тому? И мое появление в «Медальоне» показалось им более чем оправданным.

– Нееееет, – протянул Пашка. – Нет! Я отказываюсь в это верить.

– В любом случае, даже если они поняли, что лопухнулись со мной, и предприняли попытку ликвидировать фрица и меня одновременно... Дела это не меняет. Я у них уже под колпаком! Я ведь была в «Медальоне», они знают меня в лицо, а найти человека в нашем городишке не так трудно. Даже если у него нет прописки.

Пашка опустил подбородок на кулак и стал думать. Я успела съесть эклер и выпить большой капучино, а он все думал. Даже моргать перестал. Я уже заподозрила его в умении спать с открытыми глазами, когда он встrepенулся.

– Вот что мы сделаем, – выставил вверх указательный палец. – Через четыре дня я уезжаю к морю. У меня там работа на весь сезон. Ты поедешь со мной. Будешь моей ассистенткой. А через три месяца, глядишь, оно все само собой рассосется.

Предложение было дельное, я даже немного духом воспрянула. Никто не будет меня искать на побережье, это факт. Плюс приятный бонус: море. Ассистенткой я как-нибудь выдержу. В целом, неплохое вырисовывает приключение.

– Я в деле, – согласилась я, Пашка кивнул.

– Только учти, денег ты будешь получать минимально, это все-таки мой хлеб.

С этим я не стала спорить. Папенька с маменькой что-то шлют, а рисовать на побережье тоже можно.

Приободрившись после разговора, я отправилась рисовать на нашу набережную. Народу было маловато, от скуки я начала делать набросок, раздумывая над событиями. Все-таки правы ли мы с Пашкой, я действительно вляпалась в какую-то историю, или это моя буйная фантазия придумывает то, чего нет?

Я всмотрелась в набросок и нахмурилась: на нем вырисовывался фриц. А если я все-таки права, и кто-то хочет его убить? Но за что? Кто такой вообще этот Марк? Зачем приехал сюда? И почему его хотят убить именно сейчас? Из-за каких-то дел в прошлом или это связано непосредственно с этим городом?

Внезапно я почувствовала к фрицу жалость. Конечно, он козел, и если у меня стокгольмский синдром, то у него синдром бога, тоже так себе перспектива, на самом деле. Но он богат, а люди с деньгами зачастую считают, что им позволено в этой жизни больше, чем другим. Например, быть большими уродами, чем окружающие.

В общем, считайте меня хиппи или просто идиоткой, но я решила дать фрицу еще один шанс. Видеться с ним я не собиралась, чтобы не получить очередную порцию помоев на свою прекрасную белокурую головушку. Нет, я поступила в лучших традициях старых фильмов: сделала письмо из газетных вырезок. Вышло аутентично.

«Кто-то хочет тебя убить. Ты в опасности. Это не шутка».

Глава 5

Конвертов у меня не было, потому я воспользовалась тем черным, в котором была фотка фрица. Оставалось самое сложное: передать письмо так, чтобы Марк не догадался, от кого оно.

Я не придумала ничего лучше, чем подкупить десятилетнего пацана, гулявшего неподалеку. За пятьсот рублей он готов был это письмо отнести и на другой конец города лично, не то что в «Медальон». На конверте я написала имя и номер, в остальном оставила все на волю судьбы, как говорится, я сделала все, что могла.

Следующее утро началось опять со звонка. Плохая традиция, и как-то быстро приживается, не нравится мне это. Звонила хозяйка, пришлось снять трубку.

– Я заеду через пятнадцать минут, – чуть ли не пропела она в трубку. Очевидно, в ее жизни произошло отрадное событие, непонятно только, почему она решила поделиться им со мной.

Тетя Клавдия, как она предложила мне себя называть, прибыла даже раньше. Через десять минут, когда я только лазила по комнате в поисках рубашки, хозяйка дорогая открыла дверь своим ключом. Пока я доставала завалившуюся за матрас рубашку и надевала ее поверх пижамы, она, что-то бормоча, возилась в коридоре.

Выглянув наконец за дверь, я никого не обнаружила, зато соседняя комната была открыта. Подозрительно. Уж не решила ли дорогая моя тетя Клавдия, чтоб она пропала, сдать вторую комнату? Вообще-то вряд ли ее халупа заинтересует кого-то приличного, так что шансы невелики.

– Ну что? – услышала я приближающийся голос тетя Клавдии. – Соседка, если что, не проблема, разберемся.

Разберемся? Seriously? Это каким образом? Ночью закатаем в бетон и скинем в реку? Что-то я маньячная стала из-за этой истории.

– Я еще смотрю, – раздался мужской голос, внезапно показавшийся мне знакомым, и тут же из комнаты выплыла лебедь белая Клавдия, а за ней... не поверите – Ян!

Мы уставились друг на друга в полном изумлении. Я даже рот открыла для убедительности, чтобы точно сомнений не возникло: я поражена до глубины души.

– Я беру, – заявил Ян, даже не взглянув на тетя Клавдию. Та обрадовалась и превратилась из лебеди в курицу, потому что стала квохтать над парнем, как наседка над яйцом.

– Давайте тогда на кухню пройдем, все обговорим, данные запишем, – она почти затолкала его в кухню, я заглянула в комнату и аж присвистнула.

Во-первых, она была в три раза большей моей, а во-вторых, обставлена современной мебелью, и с хорошим ремонтом. Стало понятно, что мне досталась на самом деле не комната, а кладовая с хламом, которая стояла на замке, когда в квартиру въезжали приличные люди вроде Яна. Неприличным вроде меня полагался антиквариат.

– Клавдия Владимировна, – позвала я ласково, пока Ян заполнял смятый договор. – Можно вас на секундочку?

– Иду, голуба моя.

Я отвела ее в свою каморку и зашептала:

– Как же так? Почему вы меня не предупредили? Вдруг я против?

– Глупости не говори, Верка, с чего тебе быть против?

– С того, что я хотела жить одна. Вдруг он маньяк?

– Ты его видела? Скорее поверю, что ты на него сама набросишься.

– У нас с вами тоже договор был! И я вам, между прочим, деньги плачу!

– Ага, с опозданием!

– Всего два раза из четырех!

– А он платит за три месяца вперед. И поверь, там сумма существенней.

Я глубоко вздохнула, тут на пороге появился Ян. Обвел взглядом комнату, и как-то сразу уловилось его желание поскорей отсюда уйти.

– Все готово, – улыбнулся он, показывая на бумажки.

– Вот умница, – тетя Клавдия забрала договор, а я забрала его у нее и быстро прочитала. Волошин Ян Станиславович, двадцать восемь лет, прописан в областном городе.

– Наглая какая, Верка, – забрала договор хозяйюшка, Ян только насмешливо меня разглядывал, закусив нижнюю губу.

– Я проверяю, не маньяк ли он.

– По почерку? – хмыкнула тетя Клавдия, отдавая Яну ключи. – От комнаты и от квартиры. Все, я угнала.

Как только за хозяйкой захлопнулась дверь, я сложила руки на груди.

– С чего бы тебе снимать комнату? У тебя что, нет дома?

– Есть, – Ян прислонился к дверному косяку. – В области. До этого я жил в Питере, а теперь решил вернуться на родину и открыть бизнес. Но для начала надо снять жилье.

– Мм, нашел комнату своей мечты?

– Шутишь? – хмыкнул Ян. – Вообще-то мне обещали современную однушку. О наличии соседки, которую можно без проблем выселить, я узнал уже на лестнице. Хотел отказаться, а потом увидел тебя.

– Так ты из-за меня снял?

– Ага. Как ты там сказала в кафе? Еще чуть-чуть, и я поверю в судьбу. А я далеко не фаталист.

Я не нашлась, что ответить. И как относиться вообще к ситуации. То есть... Тут или в судьбу верить, или даже не знаю...

– Может, выпьем кофе? Я так понимаю, ты только проснулась?

Он перевел взгляд на мои ноги и облизнул губы. Я даже смутилась, из-под широкой рубашки не видно, что у меня там шорты, так что выгляжу я несколько провокационной.

– Не надо смотреть на меня, как волк на красную шапочку, – все же заметила ему. – Иди ставь кофе, сам разберешься на кухне, раз ты теперь мой сосед. Я пока в ванную схожу.

– Без проблем, и кстати... – он замер, выходя из комнаты, и повернул голову. – Поверь, мои желания далеки от желаний волка.

Я все-таки покраснела, хорошо, что Ян не стал ждать ответа и просто ушел. Ну надо же, блин, Пашка был прав: этот парень ко мне подкатывает!

Пока я принимала душ, Ян не только кофе сварил, но и соорудил яичницу, завтракали мы, разглядывая друг друга.

– Так что, Вера, может, расскажешь мне о себе? Чем занимаешься, когда не подменяешь друга-иллюзиониста?

Тут у меня все зубы разом заныли. Рассказывать о себе я не люблю. Это долго, не факт, что интересно собеседнику, и вообще... Не мое это.

– Я рисую на площади картины и портреты. В основном, это вся моя деятельность здесь.

– И этого хватает на жизнь?

– Ну... Мне немного помогают родители. А ты... С чего вдруг решил уехать из Питера? Там бизнес не пошел?

– Здесь ниже конкуренция и нужно меньше вложений.

– Ясно. Значит, ты бизнесмен.

– Начинаящий. Буду пропадать большую часть дня, так что сильно не беспокою.

Угу, посмотрим. После завтрака мы как-то плавно переместились в мою комнату. Ян осмотрелся в некотором недоумении.

– Ты действительно здесь живешь?

– Представь себе. Кажется, дорогая хозяйшка сдала мне пыльную кладовку Золушки, а пышные апартаменты принца оставила до лучших времен, которые наконец наступили.

Ян прошелся по каморке, выглянул в окно, а потом взгляд его зацепился за фотографию Марка, лежащую на столе.

– Это кто? – сощурился он, притянув ее двумя пальцами.

– Так, никто, – я сунула фотку в «Шерлока Холмса».

– Парень? – не отступал Ян.

– Ну...

– Бывший парень?

– Скорее, несостоявшийся.

– Можно спросить, что случилось?

– Не сошлись характерами.

– Но он так тебе дорог, что ты хранишь фото?

А, вот как это выглядит со стороны. Что-то я не подумала.

– Собиралась сжечь во время наведения порчи.

Ян все-таки рассмеялся.

– Не буду спрашивать, что у бедняги отвалится после этого.

– Вот и правильно. И сам бойся, я ведь ведьма, так ты меня называл?

– Очаровательная ведьма, – согласился Ян. – Откуда ты такая взялась вообще? Я думал, подобных девушек не осталось.

– Так, теперь подробнее, пожалуйста. Что за подобные девушки?

– Милые, – перечисляя, Ян делал небольшие шаги ко мне, я соответственно назад, пока не уперлась в стену. Учитывая размеры моей комнаты, это произошло очень быстро. – Обаятельные. Непосредственные. С чувством юмора.

Он замолчал, я поинтересовалась:

– Это все?

– Место кончилось, – Ян стоял ко мне почти вплотную, и надо сказать, это было приятно.

Ну а что может быть неприятного, когда красивый парень тебя прижимает, и вот это все, что было сказано выше?

Он склонился к моим губам, я положила на его рот указательный палец.

– Не спеши, ковбой, нам еще жить вместе. Не надо усложнять.

Ян снова улыбнулся, даже не представляю, какое количество женщин он склеил этой улыбкой?

– Хорошо, – сделал шаг назад. – Но вера останется со мной.

Я только глаза закатила, не сдержав улыбки. Тоже мне, великий игрок словами.

В целом, день прошел хорошо. Ян перевез вещи, и мы вместе отбыли из квартиры по своим делам: он – вливаться в ряды бизнесменов, я – рисовать на набережной. Настроение было прекрасное, день тоже выдался солнечный, и никто не пытался его омрачить. Никто, кроме Павла, конечно. Он позвонил, когда я ела кукурузу, глядя на воду, и с ходу испортил и настроение, и день.

– Ну что, скоро отбываем, – заявил бодро. – Я обо всем договорился.

Глава 6

Я вспомнила о нависшей надо мной опасности и о том, что собралась бежать от нее на край, так сказать, света, а именно, к морю. По всему выходило, что мысль эта меня огорчила. И вовсе не из-за возможных неприятностей, а потому что сегодняшняя встреча с Яном окрасила наши будущие отношения радужными красками. Вот что бы ни говорил Пашка, а нормально у меня с парнями все. Говорю же, это должно естественно происходить. То бишь само собой.

– Думаешь, все так, как мы обсуждали? – начала я издалека.

– Надеюсь, что нет. Но в любом случае, лучше перестраховаться.

Я вздохнула. На одних весах мнимая опасность, на другой – мнимые отношения с парнем. Действительно, какой сложный выбор, Вера.

– Ладно, – согласилась я. – Пойду домой собирать вещи.

– Много не бери, сама будешь таскать чемоданы.

– Какой у меня галантный друг.

– Я тебя спасаю и так, между прочим.

– Спасибо, – пришлось согласиться мне.

Дома я заварила какао, раздумывая, что брать с собой. А потом в дверь позвонили. Я подумала: Ян. Кто еще? Открыла, не глядя, и вылупила глаза на фрица собственной персоной.

– Я войду? – спросил он, так как я молчала.

– Нет. Зачем? Ты сам говорил, что нам не стоит видеться.

В руках фрица оказался листок, он вытащил его так быстро, что я даже не заметила этого. Развернул, показывая собранное из газетных вырезок послание.

– Твоих рук дело? – спросил меня.

– Нет, – я попыталась закрыть дверь, но Марк ловко ее удержал и протиснулся в узкую прихожую. Я сложила руки на груди.

– Это проникновение в частную собственность.

– Я знаю, что это прислала ты.

Я вздохнула, закатывая глаза.

– Ладно, это прислала я. Тебе полегчало? Теперь проваливай.

– Ну уж нет.

Не разуваясь, фриц прошел, отодвинув меня в сторону. Кинув взгляд в комнату, свернул в кухню. Закрыв дверь, я потопала следом. Ну вот черт меня дернул послать записку! Это ведь вообще не мое дело.

– Я не нуждаюсь в защите, – проговорил Марк, когда я замерла напротив него, взяв недопитое какао.

– Ладно, – легко согласилась. – Мне в целом все равно.

– Ну конечно. Поэтому ты притащилась в «Медальон» и неумело меня клеила. Не надо было обыгрывать в фокусе, если хотела, чтобы я не догадался. Хотя, если честно, я сразу понял, кто ты.

А я вот ничегошеньки не понимаю что-то.

– Ты о чем?

Устало закатив глаза, фриц достал из кармана черный конверт и положил на стол.

– Немного глупо отправлять послание в этом конверте, не находишь?

– А что в нем такого?

Конверт как конверт, ну черный. Еще на том месте, где сходятся четыре уголка нарисован круг с витиеватым рисунком. Внутри по периметру круга идут две сплетенные между собой линии, наподобие цветочных стеблей и выходят в середину, где на них висит ключ.

– Ты из-за этого? – все же уточнила я, Марк кивнул. – И что это значит?

Фриц раздраженно сел на стул, я вздохнула.

– Давай ты меня просто выслушаешь, не перебивая, ладно? – предложила ему, он согласился и до конца моего рассказа действительно не вставил ни слова. Когда я замолчала, выдал:

– Такое могло случиться только с полной идиоткой.

Ну вот, а я уже думала, мы начинаем ладить.

– Придержи умные замечания при себе, ясно? Можешь подозревать меня в чем угодно, только зря время потеряешь, потому что я действительно ни при чем. И от греха подальше сваливаю через два дня.

– Куда? – нахмурился фриц, о чем-то думая.

– Неважно. Подальше отсюда. Мне все это не нравится, ясно? Пережду несколько месяцев в безопасном месте.

Он откинулся на спинку стула и раздвинул ноги, проведя ладонью по собранным в хвост волосам.

– Если ты на самом деле так нелепо попала, уезжать не самое верное решение.

– Почему?

– Потому что эти люди привыкли подчищать следы. А ты явный их косяк.

– Считаешь, меня убьют? – вышло трагично.

Я сама прониклась, правда. Фриц пожал плечами с равнодушием, я разозлилась.

– Объясни мне немедленно, кто эти люди?!

– Я не могу.

– Как это, не можешь?

– Если я расскажу о них, то тогда они точно избавятся от тебя.

– И что же мне теперь делать?

Фриц задумчиво пожевал нижнюю губу, глядя куда-то в область паутины в углу под потолком.

– Для начала останься в городе. Я попробую с ними переговорить, хотя, если честно, желанием не горю.

– А что они тебе сделали? Или ты им?

– Мы не сходимся в некоторых вопросах о моих целях на жизнь.

– И поэтому они пытаются тебя убить?

Марк посмотрел с некоторым недоумением, потом снова о чем-то задумался, я терпеливо ждала. Не знаю, чего, правда. Было ясно, что Марк ничего не расскажет, даже если я его в ящик для распиливания засуну. Что сложновато, кстати, при таком росте.

– В общем, пойду я, – фриц неожиданно поднялся, но я тут же оказалась перед ним.

– Мы еще не договорили!

– Я же сказал, что попытаюсь с ними пообщаться.

– Нет уж...

Но фриц поднял меня за талию и переставил в сторону, как куклу. Через мгновение он был в дверях.

– Ничего не забыл? – спросила я. Марк обернулся и вскинул брови: я держала в руках его телефон.

– Как ты это сделала? – его удивлению снова не было границ. Приятно, когда твои способности так на человека воздействуют.

– Вытащила, пока мы стояли в кухне.

– Так ты карманница? – прищурился фриц, я скептически хмыкнула.

– Я фокусница, ясно? Иллюзионистка. И спереть телефон – это не предел моих возможностей.

Марк поглазел, а потом вернулся на кухню и снова разместился на стуле.

– Значит, ты иллюзионистка, – хмыкнул он. – Высокого уровня.

– Ну насчет уровня это спорный вопрос...

– Ты дважды меня обвела вокруг пальца. Поверь, это сложно.

– Почему?

Фриц поманил меня, я наклонилась ближе, а он достал из-за моего уха шарик. Я фыркнула.

– И это все?

– Почти.

Откинувшись, он положил на стол мой телефон, охнув, я схватилась за карман – пусто! Я даже не почувствовала! Ничего себе!

– Так это ты карманник! – догадалась я. – Спер что-то у этих странных чуваков, и теперь они хотят тебя убить!

Марк терпеливо вздохнул.

– Карманники же таскают с собой шарики, чтобы делать фокусы, да?

– Откуда я знаю, что таскают с собой карманники?

– Я тоже иллюзионист, Ве... – он запнулся, потом под моим взглядом неуверенно добавил: – Вера.

Ну надо же, запомнил. Я фыркнула, складывая на груди руки.

– Что-то слишком много иллюзионистов на один квадратный метр, не находишь?

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Это кто? – нахмурился фриц.

– Еще один иллюзионист, – хмыкнула я. – При нем ни слова, ясно? Это мой сосед.

– Я уйду.

– Но мы не договорили, давай встретимся завтра?

Фриц задумчиво промолчал, топая на выход.

– В два, в баре «Медальона», – сказал в итоге и распахнул дверь.

Ян, стоявший на пороге, явно не его ожидал увидеть. Конечно, узнал, и легкая улыбка сменилась серьезным выражением лица.

– Всего доброго, – непонятно кому заметил фриц и удалился. Ян переключился на меня, ошутимо так начал сверлить взглядом, зайдя в прихожую.

– Порчу просил снять, – натянула я улыбку. Ян юмора не оценил.

– Не хочу показаться навязчивым, – заметил мне. – Но все-таки... Что между вами?

– Он... Вернул мои книги, которые были у него. Не все, правда, по непонятной причине, так что завтра придется наведаться к нему, забрать остальное.

– Книги? – Ян смотрел недоверчиво. Я закивала.

– Мы познакомились в литературном клубе. Менялись книгами, обсуждали прочитанное... Но потом не срослось.

– Он тебе нравится? – поинтересовался Ян, с минуту меня изучая, я напустила в глаза придури, в моем случае это не так сложно. – Просто если ты хочешь что-то с ним...

– Ничего не хочу, правда, – я даже руку к груди приложила. – Вот по этому поводу можешь вообще не волноваться, этот парень не вызывает у меня никаких положительных эмоций.

– А ты у него?

– Тем более. Знаешь, литературные споры они такие... Страсти кипят, будь здоров. А тут еще не сошлись во вкусах на такое великое произведение... – как назло, все книги вылетели у меня из головы. – «Шерлок Холмс».

– Seriously?

– Конечно. Марк считает, что Холмс не был великим сыщиком, и что... – что еще можно придумать-то? – Ну что это просто мода и популяризация. Романизация не самых положительных персонажей, он же типа псих и наркоман...

– Ладно, я понял, – кажется, Ян утомился слушать мою несвязную речь. – Может, поужинаем?

– Отличная идея! Правда, нечем.

– Что-нибудь придумаем.

Ян оказался большим выдумщиком. Придумал мясо по-французски. Я уминала за обе щеки, запивая соком, Ян с умилением меня разглядывал.

– Очень вкусно, – заметила ему. – Ты случайно не ресторан собираешься открывать?

– Нет. Антикварный магазин.

– Серьезно? Думаешь, в нашем городе это перспективный бизнес?

– В любом городе этот бизнес может стать успешным, главное, иметь нужные связи.

– А ты имеешь?

– В Питере обзавелся.

– Чую, через три месяца ты свалишь из этой квартирке куда-нибудь в центр.

– Я бы сразу свалил.

– Да, да, помню, был сражен моей красотой и непосредственностью настолько, что не заметил, как подписал договор аренды.

– Я тебе нравлюсь?

Ну вот, блин.

– Нравишься, – призналась я. – Думаю, ты вообще нравишься большинству встречаемых женщин.

Ян быстро усмехнулся.

– Думаю, мы подружимся, Вера.

– Мы вроде уже, разве нет? Или под подружимся ты имеешь в виду...

Я замолкла, Ян не стал уточнять, только бросил многозначительный взгляд, от которого я почувствовала некоторые томления. Те самые, что у меня, по словам Пашки, случаются раз в полгода.

Остаток вечера мы провели очень приятно: болтали, смотрели кино, я показала по просьбе Яна несколько фокусов, и разошлись мы реально друзьями... Ну если, конечно, к друзьям нормально испытывать сексуальное влечение.

Я вспомнила о фрице уже в постели, когда подумала, хорошо, что не надо уезжать. Потом вспомнила, почему, и улыбку с лица убрала. Завтра я встречу с Марком и вытрясу из него всю информацию, которую смогу. В том числе и об этих чудиках с конвертами. Если они все равно захотят меня убить, я бы предпочла понимать, с кем имею дело.

Глава 7

Ян уехал еще до того, как я проснулась, оставил в турке сваренный кофе. Как мило. Пока я пила его, сидя на подоконнике и разглядывая в открытое окно двор, испытывала практически блаженство. Которое, конечно же, должно было прерваться. Пашка, чтобы ему неладно было.

– Ты готова? – подозрительно поинтересовался он, как только я ответила.

– Я решила не ехать, – я напустила в голос грусти, быстро добавив: – Полечу к родителям во Францию. Так надежней.

Пашка решение одобрил. Так радовался (полагаю, больше из-за того, что не придется таскать меня за собой и делиться гонорами), что я сама подумала: почему мне это сразу в голову не пришло?

То есть я знала, почему, конечно. Родителей я люблю всей душой, но переносить маменьку долгое время стало тяжело. К мнимому баронству добавилась идея выдать дочь замуж, из-за чего я отчасти сбежала три года назад. Терпеть поток женихов было невыносимо.

После успокоенного Пашки я набрала маме, раз уж такое дело, а то не звонила ведь несколько дней уже. Чую скандал.

– Да неужели, – традиционно начала мамуля, как только ее лицо появилось на экране. – Блудная дочь объявилась.

– Ну перестань, мам. Я звонила три дня назад.

– Четыре.

– Ну четыре. Что-то замоталась.

– Замоталась картинки на набережной рисовать? – голос мамы был полон укоризны. Она считала, я растрчиваю свои таланты понапрасну. – Может, домой пора? Торчишь в этом городишке уже четыре месяца. Ладно бы в Питере или Москве, а там что делать!

– Между прочим, тут неподалеку историческая родина, не обижай ее, – заступилась я.

Этот город, конечно, провинциальный и небольшой, но ничем не хуже других. А еще тут дешево относительно двух столиц, не зря вон и Ян бизнес решил тут мутить.

– Ты съездила туда? – поинтересовалась мама.

– Нет, конечно, – я искренне удивилась. – Что мне там делать?

– Посмотреть на то, как жили твои предки. Дорогая, это связь с родом, неужели ты не понимаешь, как это важно?

– Там же деревня, – вздернула я брови. – И три покосившихся дома, папа так говорил.

– Да что ты его слушаешь!

Может, потому что это его историческая родина? Говорить такое вслух я, конечно, не стала.

– Там не просто деревня, милая. Это бывшее немецкое поселение, туда прибыли предки твоего отца...

– Бароны Франки, – не удержалась я, представляя, как бароны переселяются в забытую богом деревушку в Поволжье.

– Ничего смешного в этом нет, – отчеканила мама. В отличие от меня и папы, эта тема была для нее болезненной. – Никто не знает, почему им пришлось покинуть Германию, отказаться от титула и жить в России.

– Не иначе, как любовь к суровой русской природе.

– В общем, так, – перебила меня мама, – до деревни всего-то сорок километров. Съезди туда, пройди по улицам, там остался памятник – лютеранская кирха, возведенная немецкими жителями. Говорят, невероятно красивая. Пришлешь мне фотографии.

«Как только скачаю из интернета», – мысленно добавила я. Переться за город, чтобы посмотреть на заброшку, у меня желания не было.

Мысль о том, что я отдам долг всем Франкам, посетив их родину, примирил маму с реальностью, так что оставшиеся минут двадцать мы говорили мирно. Я ловко обошла тему сватовства, и расстались мы на дружеской ноте. Через десять минут мама скинула фотографию из семейного альбома, на которой на фоне кирхи стояли какие-то люди. Кто из них барон, сходу было определить сложно.

Комната Яна была открыта, не удержавшись, я сунула в нее нос. В отличие от моей тут наблюдался образцовый порядок: кровать застелена, никаких разбросанных вещей. Он еще по утрам бегает, не будем забывать.

Я прошвырнулась по комнате, заглянула в шкаф, где все было, конечно, разложено и развешено в высшей степени аккуратно. Из документов злополучный договор аренды, договор на покупку машины (питерский) и еще какие-то договора и таблицы, вчитываться я не стала, при виде любого проявления офисной жизни на меня нападает хандра.

В общем, я уже собиралась удалиться из комнаты, но в конце обнаружила папка-файл с распечатками, по всей видимости, из сети. Содержание меня не особо удивило: если Ян планирует открыть антикварный магазин, ничего странного, что его интересуют местные древности.

Возле некоторых мест были приписки, сделанные карандашом. Ян, наверное, планирует заняться поиском древнего хлама, который валяется в старых домах мертвым грузом, и его владельцы даже не знают, сколько это может стоить.

Я перелистнула еще одну страницу и вздернула брови: на фото была кирха. Сомнений не возникало: та самая, которую мне только что прислала мамуля. Для верности я открыла фотку. Ну точно, она. Только на фотке Яна вид имеет непрезентабельный, видимо, так она выглядит сейчас. Возле фотографии была приписка: «начало пути И.Х.?»

Что это значит, интересно? Начало пути Иисуса Христа? Это вряд ли. Вот кто-кто, а Иисус русское Поволжье точно не жаловал. Любопытно, конечно, жаль, напрямую у Яна не спросить. Можно исподволь, в конце концов, у меня там родственники жили. Может, Ян что интересное расскажет, чего в сети нет. Мамуля тогда от счастья скончается.

Вернув все на место, я собралась и двинула в центр. Прогулявшись по набережной, к двум подошла к «Медальону». Марк уже был на месте, сидел за стойкой, увлеченно общаясь с брюнеткой в коротких шортах. Она терлась своей ногой о его, и фриц воспринимал это крайне благосклонно. Может, у него просто нога чешется, кто знает?

В любом случае я собиралась прервать царившее в этой парочке удовольствие и испытывала от этого непонятную радость. Наверное, потому что фриц обращался со мной с куда меньшим расположением. Может же быть милашкой, когда хочет, вон как улыбается. Даже не скажешь, что по натуре гад.

– Привет, милый, – я положила руку на плечи фрицу, вклиниваясь между парочкой, и обворожительно улыбнулась.

Брюнетку перекосило, лицо Марка омрачилось. Мрачный Марк – ему даже имя его подходит, родители как знали, когда называли.

– Вера, – протянул он, чувствовалось, старался быть доброжелательным, но не вышло. Желание меня придушить читалось отчетливо.

– Это кто? – поинтересовалась брюнетка, малость подрастеряв желание тереться своими ногами о чужие.

– Невеста, – я расцвела в еще большей улыбке. – Он что, не сказал? Милый, ну как же ты так?

Я ему даже пальцем погрозила, Марк кинул на стол несколько купюр и слез со стула.

– Извини, что так вышло, – выдал брюнетке и кивнул мне: – Пошли, в номере поговорим.

– А что так, боишься, я тебе всех баб распугаю? – поспешила я за ним в сторону лифта.

– Обязательно было спектакль устраивать? – поинтересовался Марк, тыкая в кнопку этажа, я едва успела заскочить в закрывающиеся двери.

- Тебе не повредит. Все равно они на тебя вешаются. Одной больше, одной меньше.
Марк комментировать не стал, вскоре мы были в его номере, и оглядываясь, я подумала: как хорошо, что мы не переспали. Вот вообще тип не в моем вкусе, точно бы жалела потом.
- Ну что, переговорил ты с этими своими типами? – спросила я, присев в кресло.
– Нет. Вообще-то они выходят на связь сами, когда им это придет в голову.
– То есть ты не можешь им позвонить? – нахмурилась я. – Кто они вообще такие?
– Я ведь объяснял...
– Да пофиг на эти объяснения. Они, возможно, хотят меня убить. Я хочу знать, что это за люди. Пусть хотя бы будет, за что.
- Это плохая идея, – покачал головой Марк.
– Почему?
Он опустил в соседнее кресло и вытянул вперед длинные ноги.
– Эти люди стараются сделать все, чтобы их существование не подлежало огласке.
– Например, убить тебя?
Он вздохнул, побарабанив пальцами по подлокотнику.
– Они не хотят убить меня. Наоборот, они пытаются меня защитить.
Так, что-то я перестаю понимать происходящее.
– То есть кто-то пытался тебя отравить шампанским, а они как раз не хотели этого допустить?
- По всей видимости, так. Если мы делаем вид, что верим твоему рассказу...
– Что значит, делаем вид? – обиделась я. – Считаешь, я вру? Ради чего?
– Чтобы втереться ко мне в доверие.
– Зачем?
– Потому что я не хочу играть в их игры, а ты как бы ненароком заставишь меня ввязаться в эту историю.
- Что за история? – поинтересовалась я как можно более небрежно, но никого не обманула.
– Это неважно. Короче, если ты действительно ни при чем, значит, они лопухнулись. Скорее всего, в тот день конверт должен был попасть к кому-то из их людей. Тот и должен был явиться в «Медальон» и наблюдать за мной. И охранять, – он сделал пальцами кавычки, я снова нахмурилась.
- А это к чему? – повторила его жест.
– К тому, что никакой опасности, скорее всего, не существует. Все это только их жалкие попытки заставить меня плясать под свою дудку.
– Хочешь сказать, они сами же и создали угрозу нападения, подкинув тебе отравленное шампанское? А если бы ты его выпил?!
- Значит, они прибежали бы и ввели мне противоядие, заставив быть им благодарными. И соответственно – действовать так, как хочется им.
- Может, все-таки расскажешь, чего они от тебя хотят? – я сделала умильное выражение лица, но Марк был совершенно не из тех, кто попадал под мои чары.
Максимум, я могла удивить его неожиданным фокусом. И то – только в первые разы.
- Нет, – отрезал Марк.
– Ладно, – согласилась я. – Тогда давай о другом. Ты велел мне остаться и обещал поговорить с этими загадочными ребятами. Но если ты сам не можешь выйти с ними на связь, где гарантия, что они объявятся до того, как прикончат меня?
- Гарантий, конечно, никаких, – согласился Марк, чем весьма опечалил и разозлил.
Хоть бы немного участия проявил к моей персоне, а! Я ведь вон как радела за него, даже записку подкинула, хотя ему, возможно, вообще никакая опасность не угрожает. А он расселся

в кресле и в ус не дует, брюнетка в баре определенно вызывала в нем больше эмоций, чем человеческая жизнь. Просто каменный парень, ну честно!

Глава 8

– Не может быть, чтобы ты совсем не мог связаться с ними, – не стала я отступать. – А если вдруг беда? Если твоя жизнь им почему-то так дорога, а тебе понадобится их помощь...

– Исключено. Я не обращаюсь к ним за помощью, что бы ни случилось.

– Даже если я засуну тебя в волшебный ящик и распилю на две части?

Марк послал мне уничижительный взгляд.

– Я знаю, как делается этот фокус.

– А я распилю тебя по-настоящему.

– Слушай, Вера, – каждый раз произнося мое имя, он как будто испытывал настоящую боль. – Серьезно, мне не до шуток.

– Мне вообще-то тоже! Из-за тебя я оказалась втянута в неприятную историю, а ты не хочешь даже объяснить толком, что происходит! Расскажи хотя бы о себе. Кто ты, как зовут, чем занимаешься, откуда приехал и зачем?

Марк, прикрыв глаза, тер виски. Не надо долго гадать: я однозначно его утомила. Уверена, он почти жалеет, что велел мне остаться, и с удовольствием представляет, как мое бренное тело скидывают со скалы в море.

– Ладно, меня зовут Марк Дитрих...

– Дитрих? – вылупила я на него глаза. – Это что... немецкая фамилия?

– Какая ты сообразительная, просто диву даюсь.

– Табличку «сарказм» забыл вытащить. Ладно, Дитрих, – надо же, прав был Пашка, действительно парнишка из немцев. Может, реально у друга чуйка какая? – И как ты оказался в России?

– Моя семья живет в России с конца девятнадцатого века. Это знатный род, потому во время войны удалось избежать репрессий. Родом из Питера, наш предок был архитектором, он участвовал в строительстве церквей.

– Так, – протянула я, потому что Марк замолчал. – А что ты тут забыл? Пытаешься сбежать от этих своих чудиков? Это что, секта какая-то? Хотят, чтобы ты на них переписал все свое дворянское имущество?

– Ха-ха. Здесь, в Поволжье, у нас жили родственники. Один из них не так давно скончался и оставил мне наследство.

– Ммм, звучит перспективно. Разваленный дом на окраине заброшенной деревни?

– Нет. Вообще-то он был обеспеченным человеком, у него в городе квартира, машина, плюс кое-какое интересное имущество. И дом за городом. Я приехал сюда, чтобы вступить в права наследования, как и полагается, через полгода после кончины.

– То есть хочешь сказать, что твой приезд никак не связан с этими чудиками и попытками тебя отравить или спасти? Они, видимо, еще сами не определились.

Я хихикнула, Марк посмотрел мрачно (естественно).

– Именно так. Завтра я получаю документы, после чего проверю все, что мне принадлежит, и уеду обратно в Питер. Надеюсь, что за эти дни никто тебя не убьет. А потом ты им, скорее всего, станешь неинтересна.

– Почему? Потому что ты уедешь?

– Да. Они уверены, что мне угрожает опасность.

– А если они решат, что опасность – это я? – указала я на себя пальцем. – В том плане, вдруг ты ошибаешься, и они не просто так боятся? Вдруг кто-то на тебя действительно покушался? Только они подумают на меня!

– Не переживай, сразу они тебя не убьют. Сначала постараются вывести, на кого ты работаешь.

Утешил, конечно, что тут скажешь.

– Вот что, – я разместилась в кресле удобней. – Я отсюда никуда не уйду.

– В смысле? – Марк напрягся намного сильнее, чем когда узнал о том, что его якобы хотят убить.

– В смысле, что я не собираюсь становиться жертвой какой-то секты, которая общается посредством писем в черных конвертах с печатью-ключом! И категорически не согласна с тем, что меня будут пытаться из-за того, что ты, видите ли, такой упертый, что не хочешь с ними общаться. В конце концов, им покажется подозрительным то, что я торчу в твоём номере безвылазно, и они сюда заглянут. Вот тогда мы с ними и поговорим.

По лицу уважаемого барона Дитриха я прочитала, что план может удалиться, но ему он категорически не нравится. Мне тоже такой расклад был не по душе. Дома меня ждал сексуальный сосед, который к тому же божественно жарит... мясо. Порок никогда не был таким манящим и соблазнительным, как в этот момент, когда я наблюдала недовольное лицо Марка с нотками презрения.

– Руководство отеля не позволит тебе остаться, – ядовито произнес новоявленный барон, не скрывая злорадства.

– Ты уж постарайся, и позволят. Уверена, за эти дни у тебя оставались ночевать девушки.

Его малость перекосило от недовольства. Ну да, мало того, что брюнетку в баре отвадила, так теперь обламываю предстоящую ночь.

– Возможно, ты все-таки можешь сделать так, чтобы твои сектанты появились раньше, – похлопала я глазками, Марк страдальчески откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза.

Воцарилась тишина. Прошло пять минут, потом еще десять. Он не двигался, а я уже всю задницу отсидела, пялясь на него беспрерывно.

– Ты случайно не умер? – спросила наконец.

– Если проведу с тобой сутки, точно умру, – пообещал этот гад. – Или убью тебя. Так что лучше молчи.

Молчать я не умела. Много чего умела по жизни, матушка права: способностей хоть отбавляй, – но вот молчание в них точно не входило. Когда я молчу, то начинаю тосковать, а когда тоскую, меня тянет разговаривать.

– Может, фокусы подделаем, – предложила я. Марк открыл один глаз, потом второй, и выпрямился в кресле.

– Можно, – заявил мне.

Мы переместились на кровать с колодой карт.

– Значит, ты думаешь, это сработает? – поинтересовалась я. – Если я буду тут торчать, сектанты заинтересуются?

– Скорее всего. Только не зови их так, они могут обидеться.

Надо же, какие ранимые.

– Выбирай карту, – сказала Марку, он вытащил, пока я следила за его руками цепким взглядом.

И все-таки просмотрела, когда только он спереть умудрился? Впрочем, я его тоже пару раз обвела вокруг пальца.

– Как ты занялся этим? – спросила парня. Марк нахмурился, ловко играя колодой руками.

– Меня научил дядя.

– Который умер?

– Да. Он родной брат моего отца, был женат, но детей не имел. И очень любил проводить время со мной. В детстве меня отправляли к нему на каникулы... Мы хорошо ладили. И он

учил меня фокусам. Он был крутым иллюзионистом. Намного лучше меня. Ну а ты? Как ты занялась этим порочным делом?

– О, я вроде самоучки. Ну то есть... Мой папа тоже умеет делать какие-то фокусы, но ему это особенно не интересно. Однако у нас вроде как семейная традиция. Из поколения в поколение передавать знания фокусов, – я катала шарик по пальцам, периодически пряча и доставая его то из кармана, то из-за уха, то еще откуда-нибудь. – Я тоже выучилась, чтобы не отставать от предков.

– Любопытно, – усмехнулся Марк.

– Особенно любопытно, что мы оказались в одном городе. Хотя я вообще-то не отсюда, так что совпало действительно забавно.

За фокусами время пошло быстрее. Марк заказал ужин в номер, а я решила написать Яну, что, возможно, не приеду ночевать. Он отреагировал сразу:

«Что-то случилось?»

«Нет, все в порядке. Друг-иллюзионист уезжает в турне, тусим», – соврала я, сама не знаю, ради чего. Не говорить же, что сижу в засаде, поедая вкусный ужин в компании парня, на которого я планирую навести порчу из-за разногласий по «Шерлоку Холмсу».

«Понял. Если надо будет забрать – пиши, я ложусь поздно».

Чудо, а не парень. Я так разулыбалась, печатая ответ, что свободной рукой угодила в соус.

– Вот блин, – откинув телефон, отправилась в ванную. А когда вышла, обнаружила наглого фрица за просматриванием моего мобильного!

– Ты не офигел? – поинтересовалась, упирая руки в боки. Он проигнорировал мое негодование, вместо этого показал открытую фотографию, присланную мамой.

– Откуда это? – смотрел опять настороженно, я почти поверила, что сейчас обернусь волком и наброшусь на парня.

– Это семейное фото, ясно? – забрала у него телефон и заблокировала. – А рыться в чужих вещах – отвратительное качество.

– Семейное? – этот парень, видимо, брал из диалогов только то, что ему интересно. – И кто из них твоя семья?

– Что ты так распереживался? – удивилась я. – Мои предки тоже отсюда родом. Переехали когда-то по дурости, да так и не выбрались потом из сугробов, видать.

– В Поволжье обычно мягкие зимы.

– Тебе виднее. Короче, какой-то мой пра-пра-кто-то решил, что жить здесь – хорошая идея.

– Как твоя фамилия?

Теперь насторожилась я. Слишком уж напряженным выглядел Марк.

– А ты скажешь, чего так напрягся? – решила я поторговаться. Он раздул ноздри от негодования.

– У моего дяди есть такая же фотка. Один из его предков изображен на ней.

– Да ладно? – прифигела я и даже разулыбалась. Вот так совпадение! – Значит, наши предки были знакомы. Прикольно!

Марк ничего прикольного не находил.

– Фамилия, – напомнил мне.

– Ладно, – пожала я плечами. – Моя фамилия Франк.

Марк расширил глаза в неподдельном изумлении и прошептал:

– Не может быть.

Глава 9

Он так прифигел, что перестал реагировать на мои вопросы. Просто смотрел, пока я трещала. Наконец, я выдохнула, поняв, что это не работает. Марк, словно ждавший моего утомления, подошел к окну и уставился в узкий зазор между задернутыми шторами.

– Неужели это правда... – пробормотал он, я только сжала кулаки, чтобы не разорваться. Ну мне ведь тоже интересно, чего его так накрыло-то вдруг?

– Эй, я тут, – подала голос, резко развернувшись, Марк уставился на меня.

– Ты или очень искусная лгунья, или реально ничего не соображающая идиотка.

Ну вот, опять. Что за привычка звать меня идиоткой? Особенно когда я однозначно не лгунья, выбор остается так себе.

– Поясни, – призвала себя к терпению.

– Ты реально Франк? – приближаться он не стал, так и маячил у окна, присматриваясь ко мне.

– Вполне реально. Осязаемая, так сказать. Франк во плоти. Может, объяснишь, чем это тебя так покорило?

Барон Дитрих снова погрузился в раздумья, приложив руку к губам.

– В таком случае странно, что хранители до сих пор не явились, – пробормотал он, но я, конечно, услышала.

– Хранители?

Марк посмотрел на меня, явно не довольный тем, что сболтнул лишнее.

– Нет уж, давай рассказывай, – не отстала я.

– Сами придут и пусть рассказывают.

Он уселся в кресло, вытянув ноги, и уставился в пространство перед собой. В принципе я бы могла понять, если бы его реально захотели убить. Вот у меня уже не раз подобное желание возникло.

– Хранители – это те ребята, что пекутся о твоей безопасности?

– Да, – бросил он, покосившись на меня.

– И как со всем этим связана я? Моя фамилия очевидно вызвала у тебя много противоречивых чувств.

Молчание было ей ответом. Я разозлилась, но делать было нечего, этот парень обладал удивительно раздражающим свойством – умением не говорить.

– Что ты знаешь о своей семье? – поинтересовался Марк минут через десять, которые я провела, пялясь в телефон на фото, присланное мамой.

Пыталась выглядеть сходство кого-нибудь с Марком. Я была близка к тому, чтобы написать папе, спросить, что ему известно о Дитрихах? Но немного побаивалась реакции мамы, потому пока сдерживалась. Вопрос Марка пришелся кстати.

– Ты имеешь в виду моих предков? – уточнила все-таки. Он кивнул.

– Вообще-то мало чего. Никакой четкой информации не сохранилось. Проследить линию Франков можно только с момента их внезапного переселения в Россию, если таковое вообще было, конечно.

– Есть сомнения?

Я пожала плечами.

– Моя мамуля большая поклонница родословной, она нашла сведения только по России. Плюс есть история баронов Франков, которая условно обрывается примерно в то же время, когда появляются сведения о нашей семье в Поволжье. Но никаких доказательств того, что те Франки и мои – одни и те же люди, нет. Не сохранилось ни фотографий, ни записей, ничего.

Марк снова задумался, вытянув губы трубочкой. Я терпеливо ждала. Баш на баш. Откровенность за откровенность, должен же он это понимать, в конце концов?

– Так чем тебя так поразила моя фамилия? – спросила, поняв, что ни черта Марк не понимает. Он наконец переключил внимание на меня, то есть стал прямо-таки разглядывать.

– Так ты типа не веришь, что твои родственники – бежавшие бароны из Германии?

– Ну слабовато верится в такое, если честно.

– А фокусы? Это знание передается у вас в семье из поколения в поколение?

– Типа того. Оно не то чтобы передается с энтузиазмом, если ты к этому клонишь. Скорее, как обязанность, которая никому не нужна, но бросить ее не хватает мужества. Вроде же традиция, фиг знает, с какого поколения.

– И всему тебя научил отец?

Я прищурилась, потому что Марк вдруг подался вперед, вглядываясь в меня еще внимательнее. Такой пристальный интерес мне не нравился. Если полчаса назад можно было говорить о драматической случайности, которую реально разрешить, то сейчас ясно: как-то вышло, что Франки очень интересны молодому барону Дитриху и непонятым хранителям. А это уже, так сказать, вторжение в мою жизнь. Неизвестно, с какими целями.

– Угу, – кивнула я. – Только я тебе больше ни слова не скажу, пока не объяснишь, каким боком Франки касаются всей этой истории, и почему тебя так штырит от моей фамилии. И кто такие хранители, ясно?

Поглазев, он снова откинулся в кресле.

– Вот и хорошо. Пусть они сами с тобой разговаривают.

Это был удар ниже пояса. И самое обидное: Марк и правда молчал. Взял книгу (на немецком!) и углубился в чтение. Я послонялась по номеру, поглазела в окно, выходящее во двор, потом уселась в кресло и написала папе. Он ответил быстро, но ничем не порадовал: сам он в Поволжье не жил, так что о соседях ничего не знал. Через пять минут после его ответа написала мамулю. Кто бы сомневался.

«Кто такие Дитрихи?» – задала вопрос. Я покосилась на Марка. Мрачные молчаливые фрицы, вот кто.

«Предположительно они были соседями Франков, – написала ей. – Тех, которые на присланном фото».

«Откуда знаешь?»

Начинается. Еще один арбузер, который только пользуется мной, чтобы получить желаемое.

«Сначала скажи, слышала ты о таких?»

«Слышала».

Я призвала себя к терпению, потому что мама больше ничего не прислала, и даже не было написано, что она печатает.

«Расскажешь?» – поинтересовалась я.

«А тебе зачем?»

– Я отойду в туалет, – улыбнулась я Марку, он даже глаз от книги не поднял. Включив воду на полную мощность, я набрала дражайшую мамулю.

– Мне сейчас неудобно разговаривать, – прошипела в трубку.

– Почему?

– Просто неудобно. Неподходящее место. Что ты знаешь о Дитрихах?

– Так зачем тебе?

Ааааа. Родите меня обратно и желательно в другую утробу.

– Ты же хотела, чтобы я заинтересовалась семьей нашего рода? Считаю, я заинтересовалась. Готова выслушать все, что ты знаешь, – тут я прикинула, что такой долгий разговор сейчас не выдержу, потому поспешно добавила: – Начни с Дитрихов.

– Насчет соседей в Поволжье ничего не знаю, не интересовалась. А вот в истории германских Франков эта фамилия имела важное место.

– Правда? И какое?

– Одна из Франков была повенчана с одним из Дитрихов. Их семьи были близки, можно сказать, шли рука об руку. Но потом что-то случилось, и свадьбы не состоялось. Отношения между семьями были разорваны, насколько я могу судить, потому что они разъехались по разным городам и продали общее поместье, которое было у них во владении. После этого пути Франков в Германии теряются и появляются уже в Поволжье. Про Дитрихов я справки не наводила.

– А можешь?

– Это займет время. Но конечно, могу. Разве твоей матери что-то не по силам?

Ну да, если уж ты себе прикрутила дворянский титул... Или боярский... Надо бы разобратся в этот моменте.

– Конечно, тебе все по силам, – умаслила я ее. – Сообщи, как будут новости. И можешь прислать мне все, что есть по нашей родословной?

– Так ты, и правда, заинтересовалась историей своей семьи? – голос мамыли лучился неподдельной радостью. Папуля, предполагаю, всерьез обеспокоен, не сошла ли я с ума.

– Присланная тобой фотография, знаешь ли, пробудила во мне столько чувств...

На удивление, мамуля купилась.

– Ты слышал, Женя? – обратилась с восторгом к папе, он только вздохнул, так тяжело, что я услышала. Видимо, включена громкая связь.

– Ладно, мама, мне пора, жду данные. Пока, целую вас, люблю, обнимаю.

Я повесила трубку и выключила воду. Что ж, история любопытная. Если немецкие Дитрихи имели дела с Франками, то интерес Марка понятен. Плюс его родственник Дитрих жил в Поволжье, и в то же время здесь жили Франки. Так какова вероятность того, что матушка не просто фанатичка, а на самом деле раскопала настоящую родословную? А главное, что скрывает за собой семья Франков, что это вызвало такую реакцию у Марка?

Остаток вечера я изучала присланные мамулей материалы. Оказалось, она действительно проделала большую работу, которая, конечно, стоила папе немало денег и седых волос. Кто бы мог подумать, что это все мне пригодится?

История поволжских Франков была короткой, хотя брала свое начало с конца девятнадцатого века. Единственное упоминание того времени, которое удалось раскопать мамуле: выписка из домовоей книги о выделении участка под строительство Альберту Франку. Женат, имеет троих детей: муж, жен, жен.

Следующие документы были уже на моего прадеда Ивана Арнольдовича Франка. Так как участок с домом в общем-то совпадал, то можно предположить, что Альберт действительно наш предок. На фотографии, присланной мамой, изображен мой прапрадед. Это тридцатые годы двадцатого века. И среди людей вокруг него, выходит, есть некто Дитрих.

Конечно, ничего странного на самом деле нет. Немцы ведь активно переселялись в Поволжье с восемнадцатого века, когда Екатерина издала разрешающий приказ. Но не бароны же! Я хочу сказать, Дитрих, уехавший в Россию и ставший архитектором в Петербурге, оставшийся в общем-то знатью, и даже, по словам Марка, избежавший репрессий во время войны – в это я согласна поверить. Но какого черта баронам Франкам, если они были так богаты, срываться в глухую деревню?

А судя по присланным материалам, они действительно были богаты. Поместья в нескольких пригородах Германии, пышный особняк в Берлине... Известный дворянский род. Барон Франк к середине девятнадцатого века был вхож в высшие круги общества. Нет, не могут это быть те же самые Франки, ну никак! Франк владел заводом по производству красителей, в те времена это был крайне прибыльный бизнес.

Кроме того, у него было предприятие «Франк&Дитрих», которое работало в области фармацевтики. Любопытно. Семьи имели общий бизнес, общее поместье и собирались поженить своих детей. Очевидно, они дружили, ну или по крайней мере, их многое связывало. Что же случилось потом? Куда делись бароны Франки?

О несостоявшейся свадьбе была небольшая заметка. Барон Карл Дитрих разорвал помолвку с Вереной Франк, одной из дочерей барона Франка. Ну надо же, действительно была Верена, а я ведь не верила мамуле! Правда, она, по всей видимости, решила, что эта Верена и та, что заявлена в легенде о иллюзионистах – одна и та же. Хотя причин к такому выводу никаких нет. Вот это уже определенно мамины фантазии.

История баронов Франков заканчивается неопределенно. По бумагам видно, что к концу девятнадцатого века барон распродал свое имущество и имеющиеся предприятия. Таким образом, он должен был получить большую сумму денег, так ведь? Я бы даже сказала, огромную. При переезде в Россию мог выкупить Елагин остров при желании.

Это место действительно было самым зыбким в истории, ниточка, соединяющая баронов с поволжскими Франками готова была в моих руках рассыпаться в пыль. Тем более, что барона Франка звали Альфред, а не Альберт. Хотя имена похожи, конечно... Но все-таки разные. И к тому же, у Альберта было трое детей, а у барона Альфреда четверо: три дочери и сын. Куда тогда делась одна из дочерей при переселении?

В общем, очень мутно и не слишком правдоподобно. Если бы не одно но: Дитрихи. Если окажется, что те самые Дитрихи есть предки Марка, то может ли так случиться, что барон Альфред Франк – и есть Альберт Франк, приехавший в Поволжье в конце девятнадцатого века со своей семьей, чтобы вести хозяйство в маленькой деревушке?

Глава 10

Легенды я на всякий случай тоже попросила скинуть. Их было так много, что становилось понятно: читать не перечитать. Пришлось уточнить, что по мнению мамы имело отношение к Франкам. Не то чтобы я верила в это (не верила вообще!), но решила просветиться, раз уж все равно лежим тут без дела в шикарном номере отеля.

Я покосилась на Марка. Он читал книгу, вытянувшись на противоположном краю кровати. Не проявлял никаких признаков недовольства или усталости. Ничего не затекло даже, по ходу.

– Каковы твои предположения, – все-таки спросила его, – как скоро появятся эти хранители?

Он равнодушно пожал плечами.

– Возможно, ночью. Они любят эффективность.

– Позеры, – буркнула я, возвращаясь к легендам.

Из толстого сборника мама отобрала всего две, но уверяла, что они совершенно точно имеют отношение к Франкам. Одна из легенд датировалась концом девятнадцатого века, вторая – вообще лохматая-прелохматая, и, как по мне, обе они были именно сказками.

Древняя гласила о двух цветках, которые сплелись воедино. Эти цветы – источник всех знаний во вселенной, и тот, кто их, скажем так, употребит, станет обладателем этих самых знаний.

По факту, ничему нас жизнь не учит. Вот была яблоня в раю, сказал Бог: древо познания добра и зла, съедите, будете, как Боги. Не ешьте, вам не понравится. И что? Съели, не понравилось. Уже сколько тысячелетий этот пример перед глазами, а люди все туда же: лишь бы упороться дозой знаний от Вселенной.

Как данная легенда соотносится с Франками, я поняла после того, как прочитала вторую легенду и мамину пояснительную записку. Потомлю и вас в неведении.

Во второй легенде говорилось, что появились в конце девятнадцатого века люди, парень и девушка, которые обладали тайными знаниями. То, что они делали, нарушало все законы природы. Полагалось, что плод их чресел (ребенок то бишь) должен стать кем-то великим.

Кем, не определились, потому что к подобному искусству относились с опаской. Кто-то считал, что это происки дьявола, которым молодые люди продали свою душу, кто-то, наоборот, говорил, что их коснулась божья рука.

Ну тут понятно, особенно после приложенной мамой старой афиши. На ней был анонс выступления чародеев: Мудрая Верена и ужасный некто, имя оказалось затертым настолько, что не читалось. Иначе говоря, парочка иллюзионистов в эпоху, когда это искусство только начинало появляться, ездила и повергала людей в ужас и трепет. Молодцы.

То, что их искусство трансформировалось в легенду, как раз неудивительно. Все остальное, про детей и прочее – привычный вымысел, свойственный людям. За столько лет, конечно, накрутили.

«Причем тут легенда про цветок?» – логично поинтересовалась я у мамы, закончив читать.

«Предполагали, что те двое чародеев нашли цветок из легенды и, выпив отвар из него, обрели высшее знание, помогавшие им творить чудеса».

Гениально.

«Ты же понимаешь, что это всего лишь ловкость рук? Помнишь, я у тебя из носа монетку достала? Поверь, никакой отвар перед этим я не пила».

«Очень смешно. Имей почтение к матери и никогда больше не доставай у меня ничего из носа».

Кто о чем.

«Ты сама приложила афишу. Они были иллюзионистами. Остальное твои домыслы.»

«Мы не можем знать, что именно они делали на сцене. Как и отрицать тот факт, что легенда – это почти всегда полное символизма описание того, что происходило в реальности. Как древнегреческие мифы описывают через богов явления природы, так и тут: легенда о цветке могла иметь в своей основе реальную историю».

«Ну и что? Положим, чародеи верили в это, даже искали цветок. Они все равно оставались ловкими мошенниками, и ничего больше».

«Если бы это было так, тебе в наследство бы не осталась книга искусства чародеев. Твои предки были великими, Верена, хочешь ты это признавать или нет. Кто знает, вдруг они на самом деле постигли тайны вселенной?»

«В таком случае вселенная рассказала им, как прятать в руке шарик, в рукаве десять платков, а в клетке голубя. Между прочим, ему ломали все кости. Не очень благородно для постигших вселенную, как считаешь?»

Мама считала, что отвечать на подобное ниже ее достоинства. Отчеканив, что это мое дело – верить или нет, она закончила беседу, а я устало вздохнула.

За окном темнело, Марк включил свет и вернулся к чтению. Я загрустила. Все было прочитано, и делать совершенно нечего. Прошлась по списку контактов: Ян был онлайн. Написала ему, сама не знаю, зачем. Он ответил моментально.

«Скучаешь? Могу забрать тебя прямо сейчас.»

Как мило. Представляю удивление Пашки и Яна, когда они увидят друг друга на лестничной клетке. Это точно веселее, чем лежать тут с мрачным Марком, ожидая, когда его раздражение сменится на что-то приятное. Пока ни разу не было.

Ответив Яну, что пока еще тусуюсь, я повернулась к барону.

– Может, поболтаем? – предложила ему. Марк перелистнул страницу, не поворачиваясь.

– Я же сказал, говорить будешь с хранителями.

– Давай просто поболтаем. О жизни. У тебя девушка есть?

– Похоже, что есть?

– Не особенно. Если только она злая колдунья и заколдовала тебя, чтобы ты отвратительно общался с другими девушками.

– Смешно. Постоянной девушки у меня нет.

– А что так? Не складывается?

Учуял сарказм, сто пудов, учуял. Я сделала невинное лицо.

– Мне двадцать два года, серьезные отношения меня мало интересуют. Я занимаюсь саморазвитием, а девушку на пару вечеров найти не проблема.

– И что понимается под саморазвитием? – я подогнула под себя ногу.

– Йога, медитация, боевые искусства, чтение, рисование, изучение языков, ма...

– Достаточно, – прервала я, вмиг почувствовав себя абсолютно бесталанным человеком. Ну или как минимум, несаморазвитым. – И что, ты реально всем этим занимаешься? А учеба в универе, работа?

– Я окончил универ экстерном в девятнадцать лет. Работаю в архитектурном бюро отца.

– Барона Дитриха? – не удержалась я.

– Просто Дитриха. Баронские титулы сейчас не играют роли.

Теперь понятно, почему он такой зануда и молчун.

– А друзья у тебя есть?

– Есть.

Спрашивать больше было не о чем, я задумчиво поджала губы. Вот ведь угораздило столкнуться с таким интеллектуалом. Хотя по бабам он нормально шарится, всесторонне развитая личность.

– А ты? – Марк повернул ко мне голову, что можно было считать величайшим проявлением расположенности. – Спишь со своим соседом?

– С чего ты взял?! – возмутилась я, но как-то ненатурально. Не, мы, конечно, не спали с Яном наяву, но мысленно... Ладно, это совсем другая история.

– Мне показалось, он напрягся, увидев меня.

От тебя любой напряжется, мрачный Марк.

– Просто удивился. Он видел твою фотку, ну ту, которая была в конверте.

– Надеюсь, тебе хватило ума не рассказывать ему правду?

– Дурой меня считаешь? – обиделась я. Марк не стал отвечать, я обиделась еще больше. – Между прочим, я не дура. Просто люблю легкость, что в этом плохого?

– Ничего.

– Ну вот.

Воцарилась тишина. Разговор очевидно не клеился.

– А как мы спать будем? – спросила я о насущном.

– Кровать большая, – Марк снова углубился в чтение и перестал обращать на меня внимание. – В день знакомства ты собиралась со мной переспать, так что подобные мелочи не должны тебя смущать.

– Я же дура, – разозлилась я. – Другой причины тому решению я не нахожу.

Он скривился, бросив взгляд, я закатила глаза. Хранителям стоило бы поторопиться, пока этот парень не разбудил во мне машину для убийств. Совсем они не чувствуют опасности. Ближе к одиннадцати я сходила в душ, натянула предложенную Марком футболку и улеглась со своего края, положив руки поверх одеяла.

Марк появился в одних боксерах, я, не удержавшись, скользнула взглядом по худощавому поджарому телу и отвернулась. Подумаешь, ну хорошая фигура, что я, хороших фигур никогда не видела?

Когда погасили свет, стало неудобно. Я прислушивалась к тишине минут десять, потом повернулась к Марку.

– Ты не шутил насчет того, что они придут ночью?

– Нет. В прошлый раз ко мне домой завалился истекающий кровью чувак, кто-то перерезал ему горло. Потом пришлось химчистку вызывать, оттирать свиную кровь.

– Серьезно? – открыла я рот от удивления и отвращения. – А зачем они так делают?

– Это их заморочки относительно меня. Считаю, что я должен быть готов ко всему в этой жизни.

– И что ты сделал с этим чуваком?

– Ничего. Оторвал приклеенную рану и предложил свалить, пока я не выставил ему счет за уборку. Я был не в настроении.

– А ты крепкий парень.

– Просто привык.

Он замолчал, и теперь тишина, царившая в комнате, стала просто злобещей. Я испуганно прислушивалась, готовая сорваться с кровати, но ничего не происходило.

– Постарайся заснуть, – сказал Марк, ложась на бок спиной ко мне. – Поверь, если они появятся, ты не пропустишь.

Вот вообще не успокоил. Но в итоге ничего не происходило, и я вырубилась. А проснулась среди ночи, словно кто в бок толкнул. Снов точно никаких не снилось. Прислушалась. Тихо. И вдруг в ванной отчетливо что-то зашуршало. Я нервно сглотнула, схватив Марка за плечо, стала его трясти:

– Марк, просыпайся, тут кто-то есть, – зашептала я, но он не реагировал.

И вообще, от моей тряски завалился на спину. Руки у него были ледяные.

– Марк, – испуганно сказала я, сердце колотилось у горла.

Потянувшись, включила бра, висевшее над кроватью, и истошно заорала: бледный почти до синевы Марк смотрел на меня безжизненными глазами.

Глава 11

В ванной что-то гроыхнуло, полагаю, от моего крика. Вскочив с кровати, я судорожно осмотрелась. Можно было бы убежать (что логично), но тогда я не узнаю, кто порешил нашего юного барона. Мне было его остро жаль. Несмотря на то, что он изрядный говнюк, смерти парень не заслужил.

Вооружившись вазой, оказавшейся весьма тяжелой, я приблизилась к двери ванной. Окон там нет, это я помню точно, значит, убийце не сбежать. Водрузив вазу на плечо, я аккуратно опустила ручку и потянула дверь.

Она поддалась, под раскаты грохочущего сердца я распахнула ее настежь. На пороге стоял мужик лет сорока, он что-то хотел сказать, но я слушать не стала –хватила его вазой по голове. С изумленным выражением лица он свалился мне под ноги.

– Отличный удар, – услышала я. Повернувшись, кивнула Марку, а потом снова заорала, подпрыгивая на месте.

– Да не вопи ты, – буркнул, сморщившись, зомби-фриц. – Это грим.

– Чего? – проблеяла я.

– Грим.

Он включил свет и развел руки в стороны. При ярком освещении было видно, что бледность вызвана тонким слоем голубоватого грима.

– Как это? – спросила я, все еще слабо соображая.

– Хранители предложили тебя разыграть. Я согласился.

– А почему я ничего не слышала?

– Да ты спишь, как сурок. Пришлось тебя даже в бок толкать, чтобы разбудить. Можно было вызвать бригаду строителей, разобрать стену, пустить в номер слона, и заново все уложить, ты бы не услышала.

– Ну уж прям уж... – я покосилась на стены. Вроде никто их не разбирал. Слона тоже не видно. Беспочвенные обвинения, прямо скажем. – А почему ты такой холодный был?

– Лед.

– А зачем это все?! – наконец не выдержала я. – Смерти моей хотел?

– Это просто шутка. Точнее, хранители хотели посмотреть, что ты из себя представляешь и как поведешь себя в экстренной ситуации.

– Так это я хранителя по башке огрела? – указала я пальцем назад. – Что же ты меня не остановил?

– Я же говорил, что не питаю к ним светлых чувств. Ничего, ему полезно, и башка у него крепкая.

Я на всякий случай голову мужчины ощупала. Одно дело, злодея нейтрализовать, совсем другое – сектанта, от которого, возможно, зависит моя жизнь. В дверь постучали.

– Кто там? – спросил Марк.

– Обслуживание номеров. У вас все в порядке? Соседи слышали крик.

Марк руками указал мне, чтобы я двигала к двери. Ну да, полутруп в ванной и зомби посредине комнаты – все нормально, в рамках обычного дня.

– Здравствуйте, – высунула я голову в щель, натянув улыбку.

Мужчина в униформе отеля смотрел сурово. Я выставила вперед колено, как бы невзначай. Учитывая, что на мне была только мужская футболка, выставилось не только колено, но и бедро. Мужчина немного смутился и кашлянул уже не так уверенно.

– Да, я действительно кричала, – я невинно похлопала глазками. – Немного увлеклась, прошу прощения. Мой парень такой горячий... – Такой горячий, что пришлось обложить его льдом. – Я постараюсь быть тише.

И снова захлопала ресницами. Мужчина откровенно смутился и удалился, лепеча что-то невразумительное. Кажется, пожелал нам спокойной ночи, потом добавил, вряд ли она будет спокойной.

– И вам того же, – помахала я рукой и, захлопнув дверь, закрыла ее на замок. Марк сидел у зеркала, стирая грим специальным кремом. Хранитель валялся в ванной.

– Может, его на кровать переложить? – все-таки поинтересовалась я.

– Между прочим, умертвить меня было его планом.

Тогда пусть полежит в ванной. Я встала позади Марка и направила через отражение гневный взгляд.

– А если бы я сердечный приступ схлопотала? – уперла руки в боки. – Или от испуга выпрыгнула в окно?

– Чтобы сломать руки и ноги? Тогда бы ты в очередной раз подтвердила звание идиотки.

– Я не идиотка!

– Да? – хмыкнул этот фриц наглый, глядя на меня в ответ и стирая остатки грима с щеки. – Зачем убийце прятаться в ванной, позволять тебе зайти к нему, не пытаться обороняться? Даже не закрылся, бедняга. А я говорил, что это выйдет ему боком.

– А вышло головой, – раздался из ванной слабый голос.

Охнув, я повернулась туда. Горе-театрал сидел на полу, потирая затылок. Крови, кстати, не было, выходит, я его удачно ударила. Без последствий. Ну если только кукуха поедет малость. Хотя за это можно не волноваться. Если чел так издевается над окружающими, кукуха у него отъехала уже давно.

– Прошу прощения, – холодно отчеканила я, задирая подбородок. – Но вы меня сами вынудили. Я защищала свою жизнь.

– Хвалю, – кивнул он и, слегка покачиваясь, вышел из ванной. Застыл передо мной, протянув руку. – Бенедикт.

– Камбербетч?

– Что? – напрягся он. – Что это значит? – обратился к Марку.

Было видно, что ко мне он относится настороженно, хотя вазы у меня в руках нет. Но я же иллюзионистка, сейчас как достану из-под футболки биту.

– Это фамилия известного английского актера, – пояснил Марк.

Он как раз закончил стирать грим с рук и встал рядом со мной. На лице его сияла подозрительно довольная улыбка. Нет, вы понимаете, что удумал: двух зайцев, так сказать, одним ударом. Стравил нас с хранителем, настолько мы его допекли. Одному удар вазой, другой – нервный срыв. А он лыбу давит.

– Мрачный ты мне нравился больше, – отрезала я, и улыбку барон Дитрих убрал. Хранитель наоборот хмыкнул.

– Тогда тебе повезло. Мрачный он девяносто процентов своей жизни.

– Может, перейдем к делу? – не удержалась я. – Раз вы с Марком имели возможность сговориться о розыгрыше, полагаю, вы знаете, по какому поводу я вас вызвала.

Почти как духа, блин.

– Я ничего ей не рассказывал, – выставил вперед руки Марк и уселся в кресло, вытянув ноги. Он успел одеться, я подумала, что и мне не помешало бы.

– Вы тоже в кресло, – указала на хранителя. – Я сейчас вернусь.

Натянув в ванной штаны и футболку, я уселась на кровати, переводя хмурый взгляд с одного на другого. Фриц вернулся к созерцательному состоянию, хранитель улыбнулся. Вышло довольно искренне, но совершенно не действовало.

– Любопытная вы особа, Верена Франк, – заметил мне.

Я нахмурилась еще больше. На всякий случай внимательно в него всмотрелась. Лет сорока, среднего роста, спортивная фигура, каштановые волосы, нос картошкой, глаза боль-

шие, красивые. Вот встретишь такого на улице, ни в жисть не поверишь, что он свиную кровь покупает, чтобы людей пугать.

– Может, вы тоже представитесь?

– Я же уже. Бенедикт.

Я перевела недоверчивый взгляд на Марка.

– Что, правда? – спросила его, он кивнул. – А нормальные имена у нас вообще будут?

– А чем вам Бенедикт не угодил? – обиделся этот шутник. Я только рукой махнула.

– Будьте, кем хотите. Просто дайте мне слово, что на мою жизнь никто не будет покушаться. Это ваши люди сунули мне конверт, не удостоверившись в том, тот ли я человек. Я вообще ни при чем, ничего не знаю и знать не хочу. Делайте свои дела, убивайте, охраняйте, чем там занимается ваше ИП... А я вернусь домой и забуду все, что случилось, начиная с того самого утра.

Я ослепительно улыбнулась, чтобы подтвердить искренность своих слов. Бенедикт разглядывал меня задумчиво, а потом вздохнул.

– Хотел бы я принять ваше предложение, Верена, но не могу. Эта история, как вы выразились, началась не несколько дней назад. А несколько веков назад. И вопреки моему желанию, сейчас вы можете сыграть в ней не последнюю роль.

Глава 12

– Вот уж дудки, – перебила я. – Я никак не могу играть в ней ничего. Еще несколько дней назад вы знать обо мне не знали, а тут я вдруг стала важным звеном.

– Мы знаем о вас многое, – Бенедикт посерьезнел, я напряглась. – Вы выросли в Париже, куда ваш отец перебрался в девяностых, устроившись преподавателем в университет. После школы поехали учиться в Россию, потом путешествовали по Европе, зарабатывая уличным искусством. Четыре с небольшим месяца назад вы пересекли границу России и осели в этом городе, чем немного удивили. Однако понаблюдав за вами, мы пришли к выводу, что выбор никак не связан с великим путем.

– С чем?

Я уже ничему не удивлялась, даже тому, что за мной всю жизнь, оказывается, следит кучка сектантов.

– Об этом расскажу позже, – обошел мой вопрос Бенедикт. – Давай лучше поговорим о том, что происходит сейчас.

– А что происходит сейчас? И что началось несколько веков назад?

– Вы, как я понял, успели ознакомиться с той историей, что добыла ваша мать.

– Как же вы это поняли? – я покосилась на Марка, но он слушал нас без эмоций на лице.

– Подключился к вашему мобильному после того, как Марк сообщил о фотографии.

– Предатель, – прошептала я одними губами.

А потом еще говорит, что хранителей терпеть не может. Сам играет на их стороне. Марк только глаза закатил на мой выпад.

– Вашей матери удалось раскопать не так уж мало, на самом деле, – заметил хранитель. – Я бы даже сказал, что ум и чутье помогли ей путем анализа выстроить правильные линии.

Ум и чутье? У моей мамы? Да, этот чудик определенно бы пришелся мамуле по душе. Ну если только свиную кровь не притащил бы. Вида крови она не выносит.

– Вы же меня просветите? – решила я не затрагивать умственные способности мамули от греха подальше.

– Конечно. Иначе бы не пришел сюда. Давайте начнем с несостоявшейся свадьбы старшего сына Дитрихов Карла и Верены Франк. Они действительно были венчаны, и обе семьи готовились к свадьбе. Потом Карл сообщил о разрыве помолвки, не оглашая причин.

– Потому что... – подсказала я.

– Потому что Верена Франк сбежала с младшим сыном Дитрихов, Марком.

Я поперхнулась собственной слюной, переводя взгляд на фрица. Вот это совпадение имен, надо же. Он никакого знака в этом не разглядел (если только отрицательный), продолжал смотреть мрачно. Я задрала подбородок, мол, не больно-то и хотелось. Я вообще еще не решила, верю или нет в происходящее.

– На тот момент Карлу было около тридцати, Верене двадцать два, а Марку двадцать. Семьи были дружны, дети росли вместе, так что в целом ничего удивительного, конечно... – Бенедикт замолчал, я терпеливо ждала, даже скучающее выражение лица сделала, хотя, каюсь, было интересно.

– Верену и Марка нашли далеко не сразу, – продолжил Бенедикт, – в связи с некоторыми печальными событиями, о них позже. Расскажу вам о самих любовниках. Марк Дитрих был выдающимся юношей. Он отличался острым и живым умом, тягой к новым знаниям и опытам. Уже в детском возрасте проявлял незаурядные способности по многим предметам. Его весьма интересовало химическое производство, которым занимались Франки, и этот интерес поощрялся, ему был открыт доступ на все предприятия. Именно с этого производства Марк начал увлекаться химией с точки зрения фармацевтики, что в дальнейшем привело к созданию новой

компании «Франк&Дитрих», которая сделала упор на развивающуюся в то время лекарственную отрасль. Естественно, юный Марк Дитрих имел свободный доступ к производству и там. К двадцати годам он мог столько же, сколько взрослые ученые, занимавшиеся этим делом. А потом Марк внезапно исчез вместе с Вереной Франк.

– И что? – не поняла я. – Каким образом любовь к химии связана с любовью к Верене?

– Самым непосредственным, – хихикнул Бенедикт. – Есть большие сомнения о наличии той самой любви к девушке. Возможно, Марка Дитриха интересовало куда больше кое-что другое.

– Что?

– Одна древняя книга из библиотеки Франков. Точнее, не из библиотеки, а из тайного хранилища. Именно ее Верена Франк прихватила с собой в ночь побега.

– Намекаете, что он соблазнил ее, чтобы она выкрала книгу? – не поверила я.

– Точных данных об этом нет, – развел руками Бенедикт, как мне показалось, огорченно.

– Что это за книга?

– Книга была передана Франку, потому что он возглавлял орден хранителей.

– Орден? – выпучила я глаза. – Тот самый, к которому относитесь вы?

– Именно так. Этот орден был создан много веков назад. Хранители должны были охранять книгу знаний, в которой были записаны тайны мироздания.

– Ну конечно, – хмыкнула я, не удержавшись. Не мелочились, что уж там. – Хотите сказать, Верена стащила эту самую книгу?

– Увы. Это была большая беда для всех нас. Хранители не обычные люди, большинство из них имеют вес в обществе и влиятельных друзей. Именно им и был обязан Франк своим состоянием и положением.

– А профукав книгу, он стал все стремительно терять? – догадалась я наконец, куда девались все деньги с проданного имущества.

– Он отдал имущество за право остаться в ордене. И положил свою жизнь на служение.

– А зачем он подался в Поволжье? Я ведь правильно понимаю, что этот Франк и есть мой предок?

– Правильно, – кивнул Бенедикт. – Вот тут мы подходим к той легенде, что вы прочитали. Цветок, открывающий все знания вселенной.

– Так... – насторожилась я.

– Многие века хранители не только охраняли тайны, но и конечно, пытались их разгадать. И пришли к мнению, что если цветок существует...

– То он где-то здесь... – прошептала я, обалдев от такого поворота мысли. Впрочем, скепсис тут же возобладал. – Ладно, теперь давайте серьезно... Все это очень интересно и любопытно, но не можете же вы верить в это?

– Это вы не можете верить. А мы это знаем.

Я посмотрела на Марка, он ответил взглядом: я же говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.